

СЕРГЕЙ
ЦВЕТКОВ

ОТ КНЯЗЯ
ИГОРЯ
ДО СЫНА ЕГО
СВЯТОСЛАВА

Русская земля

между язычеством
и христианством

X век

Сергей Цветков

**Русская земля. Между язычеством
и христианством. От князя
Игоря до сына его Святослава**

«Центрполиграф»

2016

УДК 94(47)
ББК 63.3

Цветков С. Э.

Русская земля. Между язычеством и христианством. От князя Игоря до сына его Святослава / С. Э. Цветков — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5227-07134-7

Известный писатель, автор многочисленных научно-популярных книг и статей, историк С. Э. Цветков детально воссоздает картину основания династии великих киевских князей Рюриковичей, зарождения русской ментальности, культуры, социального строя и судопроизводства. Автор предлагает по-новому взглянуть на происхождение киевской династии, на историю крещения княгини Ольги и ее противоборство с сыном, на взаимоотношения русов и славян, особое внимание уделяется международным связям Древней Руси.

УДК 94(47)

ББК 63.3

ISBN 978-5227-07134-7

© Цветков С. Э., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Часть первая. Основание династии	6
Глава 1. Наследник вещего Олега	6
Князь Игорь: проблемы летописной биографии	6
Две Руси, две династии	8
Известия арабских писателей о «царе русов»	10
«Царь Руси» X-л-го из Кембриджского документа	12
Олег II Моравский	14
Глава 2. Великокняжеский род русской земли	16
Русская земля после смерти вещего Олега	16
Князь Игорь и его родичи	17
Княжеская родословная	20
Глава 3. Выход к Черному морю	25
Опекун	25
Война с угличами	25
Древляне в Среднем Поднепровье и «древляне» в Крыму	27
Поход на крымских готов	31
Печенеги	32
Глава 4. Происхождение княгини Ольги	38
Пробелы в биографии	38
Родина Ольги – Псков или Болгария?	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Цветков
Русская земля. Между язычеством
и христианством. От князя
Игоря до сына его Святослава

© «Центрполиграф», 2016

* * *

Часть первая. Основание династии

Глава 1. Наследник вещего Олега

Олег умер, согласно преданию, на пятый год после возвращения из похода на Царьград, то есть около 915 г. В наследство своему преемнику он оставил обширную державу «светлых князей», простиравшуюся от Карпат до Среднего Поднепровья. В дипломатических, военных и торговых отношениях с другими странами держава эта выступала под именем Руси, и ее высокий международный статус был подтвержден дружественным договором 911 г. с Византией.

Несмотря на впечатляющие успехи Руси в области межгосударственных отношений, внутренне она представляла собой весьма неустойчивое политическое образование. Единство ее покоилось исключительно на военно-политическом господстве русов над разобщенными славянскими племенами, каждое из которых имело «свое княжение» и жило «своим обычаем». Положение осложнялось тем, что и сама Днепровская Русь не была этнически однородным сообществом. Разноплеменная и разноязыкая, представлявшая собой вавилонское смешение потомков античного скифо-сарматского населения Среднего Поднепровья со славянами (куявами/ледзянами), она подчинялась пришлому «русскому» клану – таврическим русам (выходцам из славянского Поморья, создавшим поселения на побережье Крыма, Таманского полуострова и в устье Днепра). Но на рубеже IX–X вв. «русский» Киев вынужден был подчиниться карпатским русинам, хорватам и мораванам, возглавляемым «светлым князем русским» Олегом. Однако даже при смене правящей верхушки политическая сущность Руси как хищнического раннегосударственного образования, паразитирующего на восточнославянских племенах, осталась неизменной; власть перешла из рук в руки к князьям «от рода русского».

При таком положении вещей смерть Олега с неизбежностью должна была вызвать междоусобицу на Руси. Однако долго так продолжаться не могло. Историческое развитие Руси приближалось к рубежу, за которым ей предстояло либо распаться, погибнуть вследствие внутренних распрей и династической неразберихи, либо создать более или менее прочную политическую организацию. Естественным костяком такой организации по условиям времени могла быть только княжеская династия.

Князь Игорь: проблемы летописной биографии

Кто был преемником вещего Олега?

Ответ, казалось бы, известен – князь Игорь. Однако историческая критика вправе поставить под сомнение династическую легенду Повести временных лет.

Прежде всего ее сведения расходятся с известиями других древнерусских памятников. Наиболее древние и независимые от Повести временных лет источники, как, например, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и «Похвала» Иакова Мниха (вторая треть XI в.), называют первым киевским династом «старого Игоря», то есть старинного, старейшего, дедородоначальника; ни о каких его предшественниках на киевском столе они не упоминают. Знаменательно, что и жена его, Ольга, слыла у древнерусских книжников «праматерью всех князей русских». Древнейший памятник церковного права, так называемый Устав князя Владимира, старейший список которого восходит к концу XIII в., отмечает в преамбуле, что святой князь является потомком Игоря, Ольги и Святослава.

Даже «варяжская» редакция летописи не смогла полностью затушевать местную, киевскую традицию, признающую Игоря первым «своим» князем, основателем династии великих киевских князей – владельцев Русской земли. Ведь, несмотря на опеку вещего Олега,

Игорь все-таки «первое нача княжити» в Киеве – именно ради его таинственных прав на «княжение в полях [полянах]» Олег и убивает Аскольда и Дира.

Ключевым моментом биографии Игоря следует считать дату его рождения, ибо только она способна пролить свет на подлинное место мнимого «сына Рюрика» в ряду первых русских князей и, в частности, на его отношения с Олегом и его державой «светлых князей». В Повести временных лет вокняжение Игоря в Киеве происходит в пору его младенчества, хотя точной даты рождения Игоря летописи не знают. Воскресенская летопись приурочивает его появление на свет к 866 г., Никоновская – к 865 г. Таким образом, получается, что он должен был сесть на киевский «стол» тринадцати-четырнадцатилетним отроком. Однако Повесть временных лет отмечает, что по смерти Рюрика Игорь остался «детеск велми», а в сцене убийства Аскольда и Дира его по знаку Олега выносят на руках (и Степенная книга, учтя это обстоятельство, говорит, что Игорь осиротел в двухлетнем возрасте). Цель всех этих «уточнений» одна: связать безответного младенца с Рюриком и варяжской русью.

Между тем еще А. А. Шахматов, реконструируя древнейший летописный свод, пришел к выводу, что самые ранние известия об Олеге не упоминали имени Игоря¹. Современная историческая критика имеет достаточно поводов утверждать, что подлинная дата рождения Игоря не имеет ничего общего с биографическими данными Повести временных лет. Летописные известия о семейной жизни первой княжеской четы – Игоря и Ольги – вызывают недоумение: нельзя отделаться от мысли, что читаешь житие библейских патриархов. «Настоящие Авраам и Сарра», по определению СП. Толстова². Впрочем, к очевидному вымыслу относится не столько завидное долголетие обоих супругов, которое, в конце концов, не может служить решающим аргументом против летописных сведений об их жизни, сколько датировка некоторых важнейших вех их совместной жизни, а именно: времени женитьбы Игоря на Ольге и рождения Святослава. Не забудем, что речь идет о языческой эпохе, когда в обычае было многоженство. Между тем, если верить Повести временных лет, Игорь женился на Ольге – своей первой и единственной супруге – будучи зрелым тридцати-тридцатипятилетним мужчиной, а сына Святослава, единственного своего отпрыска, зачал спустя добрых четыре десятилетия. Это ли не чудеса!

В приложении к Ольге летописные хронологические выкладки выглядят еще более несуразными, ибо выясняется, что она родила первенца после того, как отпраздновала свою серебряную свадьбу и свой пятидесятилетний юбилей.

Против всего этого протестует не только здравый смысл, но и наши знания о матримониальных отношениях в раннем Средневековье. Тогдашнее европейское законодательство и обычай определяли возраст совершеннолетия для мужчин – четырнадцатью – пятнадцатью, для женщин – двенадцатью – тринадцатью годами³. Время вступления в брак редко отстояло от этого возрастного рубежа более чем на год-два. Например, о княгине Евпраксии, дочери киевского князя Всеволода I Ярославича, имеем известие, что в возрасте шестнадцати лет она уже успела овдоветь (ее первый муж Генрих Длинный, маркграф Штаденский, умер в 1087 г.). Характерно, что брачные отношения Игоря, как они представлены в летописи, находятся в разительном контрасте с семейной жизнью его сына Святослава, который бывал в Киеве наездами и, однако же, ко времени его гибели в 971 г., то есть приблизительно тридцати лет от роду, уже имел от разных женщин по крайней мере троих сыновей⁴, старшему из которых, Ярополку, было, кажется, не менее тринадцати – пятнадцати лет и он уже год как был женат на «гре-

¹ См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 323, 541–542.

² Толстой СП. Древнейшая история СССР в освещении Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 121–122.

³ См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. М., 1901. С. 85; Никитин А. Л. Основания русской истории. М., 2001. С. 203; Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. М., 1965. С. 92.

⁴ А на самом деле больше. Один такой, «не учтенный» летописью, сын Святослава известен по сообщению византийского историка Иоанна Скилицы о том, что в 1016 г. флот имперского полководца Монга нанес поражение хазарам «при помощи Сфенга, брата Владимира [Святославича]».

кине». Здесь летописец явно оказывается гораздо ближе к истине, нежели тогда, когда, пользуясь обрывками преданий, набрасывает фантастическую биографию родителей Святослава.

Зная, какую огромную и подчас тираническую роль в жизни средневековых людей играл обычай, особенно в матримониальных отношениях владетельных особ, мы должны признать за верное, что к моменту рождения Святослава Игорю должно было исполниться лет пятнадцать – семнадцать, а Ольге – не больше пятнадцати лет. Рождение Игоря состоялось, таким образом, несколько позже 920 г. Эта датировка, помимо прочего, позволяет удовлетворительно объяснить не объяснимое никакими другими способами обстоятельство: почему при растянутом более чем на семь десятков лет княжении Игоря вся его действительная деятельность на страницах Повести временных лет умещается в одно пятилетие (941–945 гг.).

Выходит, что «старый Игорь» умер еще совсем молодым человеком⁵ – лишнее подтверждение тому, что его прозвище не имеет отношения к его возрасту по летописной биографии, а означает «старейшего», «первого» князя, родоначальника великих киевских князей⁶. И дано оно было ему задолго до того, как Рюрик и Олег попали в число его родственников.

Две Руси, две династии

Для прояснения отношений Олега и Игоря чрезвычайно важны их договоры с Византией – вполне надежные исторические документы⁷. Достаточно прочитать их хотя бы раз без оглядки на династическую концепцию Повести временных лет, чтобы увидеть непреложный факт: два князя, представители «руси», выступающие субъектами этих договоров, не имеют между собой ничего общего, кроме принадлежности того и другого к «роду русскому». При чем различие это прослеживается по самым существенным и важным признакам: титулатуре, вассальной иерархии, этническому составу дружин, направленности политических интересов.

В самом деле, если Олег – это «наша светлость», «великий и светлый князь русский», под чьей рукой находятся другие «великие и светлые князи русские» и «светлые бояре», сидящие в «русских» городах, то «великий князь русский» Игорь не имеет в подчинении не только «светлых», но и вообще никаких князей⁸, а властвует над «боярами» и «людьми Русской земли». Первый заключает договор в пользу «светлых князей» и торговой руси – послов и «гостей» из «русских градов»; второй отстаивает преимущественно торговые интересы своей семьи

⁵ Хотя, как будет показано дальше, дату его смерти также следует отодвинуть с 945 г. на промежуток с 951 по 955 г.

⁶ Ср. со «старым Ярославом» и «старым Владимиром» в Слове о полку Игореве. *Старый* там – всего лишь противоположность *нынешнему*, современному: «Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря...»

⁷ «Русско-византийские договоры, включенные в ПВЛ (Повесть временных лет. – С. Ц.), как ее составная часть, – пишет Н. И. Платонова, – представляют собой источники, первичные по отношению к летописному рассказу о событиях X века на Руси и резко превосходящие его по информативным возможностям» (Платонова Н. И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто: Материалы конференции. М., 1997. С. 69). По мнению Ф. И. Успенского, «во всех договорах выражается действительная жизнь и обрисовывается взаимное отношение между русскими и греками и все памятники дают одинаково ценный материал для характеристики быта и государственного положения Киевской Руси» (Успенский Ф. И. История Византийской империи: Период Македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 270).

⁸ Правда, в Ипатьевском списке рядом с Игорем фигурирует «всякое княжье»: «Мы – от рода русского послы и купцы... посланные от Игоря великого князя русского, и от всякого княжья, и от всех людей Русской земли». Но термин «княжье» сам по себе сомнителен и другим древнерусским памятникам неизвестен. Поэтому вместо выражения «от всякого княжья» следует читать «от всего княжения», как значится в Хлебниковском списке (см.: Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 318). «Княжение» – распространенный летописный термин, означающий «верховное правление» (Фроянов И. Я. Начала русской истории. Избранное. СПб., 2001. С. 723). Кстати, его часто неправильно толкуют в территориально-политическом смысле, как «племенное объединение», «княжество». Но подобное значение «княжения» совершенно чуждо Повести временных лет, которая сообщает, что после смерти Кия, Щека и Хорива «держати почаша род их княжене в полях, а в деревьях свое, а дреговичи свое, а словене свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане». В договоре 944 г. «все княжение» – это следующие за Игорем представители власти: княжеская семья (Ольга, Святослав) и «бояре», которые, как будет показано ниже, также являлись членами великокняжеского рода.

и «бояр», добиваясь для них права «посылать в Греческую землю к великим царям греческим корабли сколько хотят». Большинство «русских» городов его мнимого предшественника совершенно позабыты. В то время как Олег хлопочет за Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и «прочаа грады», Игорь покровительствует всего трем городам Среднего Поднепровья: Киеву, Чернигову, Переяславлю – и все. При этом города, входящие в состав Олеговой державы, в большинстве своем находятся в западославянских землях, так как их восточнославянские двойники в начале X в., по археологическим данным, еще пребывали в статусе догородских поселений.

Не менее любопытно выглядит сопоставление текста обоих договоров в этой их части с данными современного византийского источника. Константин Багрянородный знает во «внешней Росии», которой правит князь Игорь, города: Киоаву (Киев), Немогард (?), Милиниски (Смоленск), Телиуцу (Телич), Чернигогу (Чернигов) и Вусеград (Вышгород); из них с перечнем Олеговых городов совпадают только Киев и Чернигов, хотя византийский император, несомненно, отметил самые крупные городские центры «внешней Росии» своего времени.

Более того, разнятся не только «русские грады» обеих держав – названия самих государств Олега и Игоря разные! Судя по договорам, Олег владеет Русью, Игорь – Русской землей⁹. В географическом положении той и другой есть заметное различие. Согласно одной из статей договора 911 г., Олеговы послы и купцы, получавшие содержание от константинопольских властей, заживались на подворье святого Маманта («витали у святого Мамы») по целому полугоду. Между тем из обстоятельного описания плавания киевских русов в Царьград, сделанного в середине X в. Константином Багрянородным, известно, что торговый караван князя Игоря покидал Киев в июне, добирался до Константинополя в июле, а в конце сентября – начале октября уже собирался назад, чтобы успеть вернуться в Киев до окончания навигационного сезона на Днепре. В полном соответствии с этим договор 944 г. умалчивает о полугодовой «месячине», ограничиваясь замечанием, что русы «не имеют власти зимовать у святого Мамы». Отсюда следует, что Олеговы купцы, «емлющие свою месячину на 6 месяц», приплывали в Константинополь и уплывали из него «домой, в Русь» по незамерзающим водоемам – Дунаю и Черному морю и что договор 911 г. охранял торговые интересы преимущественно карпатских и дунайских русов.

Далее, незаметно, чтобы Олега особенно занимал регион Северного Причерноморья, тогда как Игорь обнаруживает повышенный интерес к устью Днепра и «стране Корсунской» (крымским областям вокруг Херсонеса), – конечно, потому, что все подчиненные ему города, как и его Русская земля, в отличие от Руси и «русских градов» Олега, лежали на днепровском водном пути. По той же причине Игорь мог взять под свою руку наем русов на службу к императорам, ибо полностью контролировал ситуацию в своей Русской земле – Среднем Поднепровье; Олеговы же русы имели право наниматься «своею волею», не спросясь князя, потому что власть Олега над многими областями его державы была чисто номинальной.

Сходным образом договор 911 г. предусматривает выдачу «злодея» русам вообще, без упоминания их князя; договор же 944 г. оговаривает, что русские нарушители спокойствия в Константинополе отсылаются греками в Русскую землю, к «князю вашему», то есть к Игорю. Еще одно указание на то, что Олегова Русь была более широким и рыхлым территориальным образованием, нежели Русская земля князя Игоря, содержится в той статье договора 911 г., которая определяет порядок передачи наследства умершего руса на его родину. Послушаем комментарий Г. Г. Аитаврина к этому месту: «Обязанности по сохранению имущества умершего брали на себя имперские власти, следовательно, соратники соотечественника не имели права препятствовать передаче имущества... в казенное хранилище. При прибытии же первого русского торгового каравана, в котором находились люди из тех мест, где жила семья покой-

⁹ Строго говоря, термин *Русская земля* впервые документально засвидетельствован только в договоре Игоря с греками.

ного, его имущество передавали им. Акт передачи совершался, несомненно, официально, с участием императорского чиновника и того русского посла, который представлял интересы княжества (или города), откуда прибыл в империю умерший воин»¹⁰. То есть с 911 по 944 г. имперские власти вели дела не с послами великого князя, а напрямую с представителями многочисленных «светлых князей» или городских общин, входивших в Олегову Русь, которые вели самостоятельную торговлю в Византии. Однако в договоре Игоря подобного параграфа нет, и, конечно, не случайно – в нем просто не было надобности.

Игоревы русы (послы и «гости») приплывали в Константинополь из одного географического региона – Русской/Киевской земли, поэтому у имперских властей не возникало затруднений, в какую «Русь» передать имущество покойного: был ли он княжеским дружинником или городским купцом, его сородичи и соотечественники – послы верховной власти и представители городов Русской земли – всегда находились вместе в одном и том же торговом караване, снаряженном от имени великого князя русского Игоря, его родственников и городов «земли Русской».

Знаменательно также, что ни сам Игорь, ни его жена и сын (Ольга и Святослав) не вступают ни в какие отношения – легендарно-анекдотические или исторические – со «словенами», с которыми в летописном повествовании через анекдот о парусах накрепко связан «светлый князь русский» Олег. Словом, перед нами «две „Руси“ – две династии, две географии, две истории»¹¹. В первом случае договор заключил предводитель обширной «русской» федерации, или, пользуясь более осторожным термином А. В. Черепнина, «политической ассоциации»¹², простиравшейся от Карпат до Черного моря; во втором – глава семейного клана, держащего «княжение» в Русской земле, ограниченной Средним Поднепровьем.

Итак, Игорь не был и не мог быть наследником Олега, поскольку оба они принадлежали к разным «русским» родам, соперничавшим друг с другом этническим группировкам русов – карпатских и киевских, а смерть одного и рождение другого были разделены по крайней мере семилетним промежутком. Очевидно, что между Олегом и Игорем был кто-то еще, ибо княжеский род Олега, разумеется, не остался без преемника.

Известия арабских писателей о «царе русов»

Третий герой событий 920–930-х гг. в Русской земле фигурирует сразу в нескольких источниках. Несмотря на это, он все еще не признан действующим лицом русской истории. Однако ему давно пора выйти из тени.

Впервые он предстает перед нами безымянным – в записках багдадского дипломата и путешественника Ибн Фадлана, посетившего в 921–922 гг. Волжскую Булгарию, где ему представился случай лично побеседовать с купцами-русами. От них он узнал, что где-то по соседству с Волжской Булгарией правил «царь русов», сидевший в «высоком замке».

В исторической реальности X в. ближайший к Волжской Булгарии «царь русов» находился в Киеве. Об этом имеется свидетельство другого арабского путешественника Ибн Хаукаля: «Русы. Их три группы. Одна группа их, ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба...» Ибн Хаукаль работал над своей «Книгой путей и стран» в 950–970-х гг., но, как установлено, его известие о русах восходит к сочинению багдадского географа аль-

¹⁰ Литаврин Г. Г. О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии: (Предварительные замечания) // Византийские очерки. М., 1991. С. 70.

¹¹ Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 206.

¹² Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // Исторические записки. М., 1972. Т. 89. С. 358.

Истахри, писавшего в 930–950-х гг., который, в свою очередь, обработал книгу среднеазиатского ученого аль-Балхи, написанную около 920 г.¹³

Таким образом, «царь русов» из «высокого замка» и «царь русов», сидящий в Куй-абе/Киеве, оказываются одним и тем же лицом. Древнерусские источники и современная археология подтверждают, что крепостной замок первых киевских князей располагался на холме.

Не менее значима другая деталь из рассказа Ибн Фадлана. «Один из обычаев царя русов тот, – пишет он, – что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты за него».

Обратим внимание на упоминание обычая ритуального убийства дружинников в случае смерти «царя русов». Очевидно, это сообщение относится к погребению вешего Олега, умершего за пять-шесть лет перед тем. Для славянской похоронной обрядности нечто подобное засвидетельствовал арабский историк Масуди (ум. в 956 г.). По его словам, сербы «сожигали себя в огне, когда глава племени умрет». Речь идет, разумеется, только о самосожжении дружинников и ближайших княжеских слуг, а не всех мужчин племени. Современные Масуди византийские писатели, как, например, Константин Багрянородный, знают поселения сербов не только на Балканах, но и в других местах Европы – в частности, в Прикарпатье. В связи с этим можно предположить, что похороны «светлых князей» карпатских русинов действительно сопровождалась убийством их дружинников. Это, в свою очередь, позволяет видеть в «царе русов» из сообщения Ибн Фадлана одного из «светлых князей» карпатских русинов¹⁴.

Известие Ибн Фадлана о княжении «царя русов» в Киеве начала 920-х гг. не может относиться к вешему Олегу, к тому времени уже умершему. Игорю, как мы выяснили, еще только предстояло появиться на свет. Между тем «царь русов» – еще не старик и уже далеко не младенец. Ибн Фадлан пишет, что рядом с ним постоянно находился его гарем – 40 девушек, которые отнюдь не могли пожаловаться на недостаток любовного внимания со стороны их господина: «А ложе [престол] его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он употребляет как наложницу одну из них в присутствии своих сподвижников...»¹⁵ Против отождествления любвеобильного «царя русов» с Игорем говорит и то обстоятельство, что в сообщении Ибн Фадлана ничего не сказано о многочисленных родственниках, которые окружают Игоря в договоре 944 г.

Наблюдая похороны знатного русского купца, Ибн Фадлан отметил, что его родственники водрузили на могильном кургане «большую деревяшку хаданга [белого тополя]» и «написали на ней имя [погребенного] мужа и имя царя русов...». К сожалению, арабский путешествен-

¹³ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 2000. С. 216, 217.

¹⁴ Возможно, в Среднем Приднепровье, в зоне активного межэтнического общения, славяно-«русский» обычай ритуального убийства дружинников обогатился чертами, присущими погребальным обрядам других этносов Русской земли. Подобный обычай с давних пор был характерен для иранского мира Северного Причерноморья. Вот как Геродот описывает погребение скифского царя: в одной могиле с умершим вождем «погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных... После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его как можно выше. Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг покойного царя выбирают самых усердных... Итак, они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней), извлекают из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют отрубями, а затем зашивают»; трупы коней закрепляли в стоячем положении при помощи деревянных стоек и столбов, после чего сажали на них убитых слуг, воткнув в тело каждого из них прямой кол «до самой шеи». В «скифо-сарматской» Куль-Обской могиле (близ Керчи), в углу гробницы, где находились саркофаги «царя» и «царицы», найдены скелеты коня и человека, – вероятно, конюха, как следует из текста Геродота.

¹⁵ В данном случае имеется в виду ритуальное засвидетельствование вождем своей мужской потенции, которая, согласно представлениям людей архаических обществ, мистическим образом обеспечивала плодородие природы и благополучие людей. Но вместе с тем публичное совокупление выделено Ибн Фадланом в качестве характерной детали «русских» нравов: «И вот один из них [купцов-русов] сочетается со своей девушкой [наложницей], а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении одни против других [на скамьях в «большом доме»]...»

ник, обыкновенно столь дотошный и внимательный к деталям, не полюбопытствовал узнать имя русского владыки.

Так кто же он, этот таинственный «русский царь»?

«Царь Руси» X-л-го из Кембриджского документа

Сообщения арабских писателей о «царе русов» находят подтверждение в так называемом Кембриджском документе (из библиотеки Кембриджского университета) – средневековой рукописи на древнееврейском языке, принадлежащей перу неизвестного автора, по всей видимости, хазарского или византийского еврея. Сочинение это в целом является мифолого-литературной обработкой истории Хазарского каганата, что затрудняет датировку описываемых в нем событий и их историческую интерпретацию. Однако один эпизод изложен со многими реалистическими подробностями и приурочен к последним годам правления византийского императора Романа I Лакапина (920–944). По сведениям автора Кембриджской рукописи, «царем Руси» в это время был довольно беспокойный человек, именуемый X-л-го (HLGW). Подстрекаемый императором Романом, он напал на крымские владения Хазарии, но, потерпев неудачу, обратил оружие против Византии.

Кембриджский аноним называет себя современником этих событий, и некоторые исследователи действительно склонны признать весь документ подлинным источником X в.¹⁶ Но излишняя доверчивость здесь также неуместна, так как еще В. К. Коковцов, один из первых издателей и критиков этого памятника, убедительно показал его литературное происхождение и решительно отказался видеть в нем «исторический документ, современный событиям X века», отнеся время составления рукописи к XI–XII вв. или даже к XIII в. Впрочем, он не исключил, что, выстраивая сюжет о X-л-го, еврейский книжник-«романист» мог использовать некий утраченный византийский источник X в.¹⁷ Таким образом, хотя плевел на этом поле оказывается гораздо больше, чем зерен, эти последние все же есть и их необходимо найти.

В исторической литературе считается безусловным фактом, что имя «царя Руси» в его древнееврейском написании соответствует древнерусскому имени Олег, как оно произносилось в X или XI в. в Византии¹⁸. Видимо, по-гречески оно звучало как Эльгос (Helgos), поскольку княгиню Ольгу Константин Багрянородный именует Эльгой.

X-л-го приписано участие в двух исторических событиях, подлинность которых не подлежит сомнению. Во-первых, это конфликт Византии с Хазарией, случившийся в конце 930-х гг. Причиной его, согласно Кембриджскому документу, были санкционированные Романом I Лакапином религиозные гонения на византийских евреев – об этом же имеются достоверные показания мусульманских источников. Репрессии имперских властей вызвали ответное избиение христиан в Хазарии. Тогда-то, говорит Кембриджский аноним, император Роман обратился к «царю Руси» X-л-го, склонив его напасть на хазарские владения в восточной Таврике. Война с Хазарией в конце концов завершилась поражением русов, после чего хазарский полководец Песах¹⁹ отправил побежденного X-л-го в поход на Византию. Этот поворот сюжетной линии в судьбе X-л-го делает его предводителем нападения русов на Константинополь в 941 г. – второго реального исторического события, связанного с именем «царя Руси»: «И пошел тот

¹⁶ См.: *Бруцкус Ю. Д.* Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. С. 117–119; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М, 1990. С. 217–218.

¹⁷ См.: *Коковцов В. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. XXX–XXXVI.

¹⁸ См.: Там же. С. XXXVI.

¹⁹ Наличие этого имени в тексте Кембриджской рукописи, по мнению В. К. Коковцова, обличает позднее и не «хазарское» происхождение документа, поскольку «Песах – сравнительно новое еврейское имя, получившее особое распространение среди евреев в Германии. Оно засвидетельствовано, впрочем, документами уже для конца XIII в.» (*Коковцов В. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. С. 119).

[Х-л-го]... и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там его мужи, так как македоняне [византийцы] победили его огнем».

Известие Кембриджского документа в этой его части полностью совпадает с описанием поражения русов под стенами Царьграда в 941 г.: в обоих случаях военные действия длятся три-четыре месяца, и флот русов гибнет от греческого огня.

Вместе с тем очевидно, что здесь мы имеем дело с искажением действительности. В 941 г. «русскую» флотилию возглавлял князь Игорь, о чем были хорошо осведомлены не только в Русской земле, но также в Византии и в Европе. Так, в «Истории» Льва Диакона (вторая половина X в.) византийский император Иоанн Цимисхий говорит князю Святославу Игоревичу: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды». Германский дипломат Анутиранд, побывавший около середины X столетия в Константинополе, записал со слов очевидцев историю русско-византийской войны 941 г., отметив, в частности, что «королем этого народа [русов] был [некто] по имени Игорь, который, собрав тысячу и даже более того кораблей, явился к Константинополю».

Остается предположить, что в 30-х гг. X в. на Руси действительно правил некий князь Х-л-го/Олег, совершивший военную экспедицию в Крым, смутные известия о котором позволили позднему еврейскому автору Кембриджской рукописи, не слишком хорошо разбиравшемуся в древнерусской истории, представить его также предводителем морского набега 941 г. на Константинополь. Сделать это было тем легче, что оба события – крымский и константинопольский походы русов – разделены всего несколькими годами.

Но в какой же Руси «царствовал» Х-л-го?

В. А. Мошин²⁰ (вслед за В. А. Пархоменко²¹) признавал наиболее вероятным, что этот персонаж Кембриджского документа был независимым князем «русской» Тмуторокани²². Но отождествление «царского» титула Х-л-го со статусом тмутороканского князя выглядит безусловной ошибкой. Черноморско-азовские поселения русов не были монолитным политическим образованием, возглавляемым одним верховным правителем. Таврическую Русь первой половины X в. следует представлять в виде конгломерата мелких самостоятельных вкраплений посреди хазарских и византийских владений (побережье восточного Крыма и Таманского полуострова усеяно остатками небольших поселений IX–XI вв., даже не всегда укрепленными²³). Местные князья были, по-видимому, только военными предводителями, тогда как в мирное время высшая власть принадлежала какому-то демократическому органу, вроде казачьего круга. Вряд ли можно считать случайностью, что первые имена тмутороканских князей появляются в источниках только в начале XI в. и лишь постольку, поскольку князья эти находились в родстве с киевской династией – скорее всего, это обстоятельство отражает мелко-травчатость статуса местных «русских» правителей X в. А между тем положение Х-л-го среди русов было настолько значительным, что позволило Кембриджскому анониму представить его организатором и руководителем очередного набега русов на столицу Византии.

Не приходится сомневаться, что в Хазарии X в. географический термин «Русь» относился к обоим «русским» регионам – Средне днепровскому и Таврическому. Действительно, описание войны Х-л-го с хазарами содержит прямое указание на то, что его владения не совпадали с Таврической Русью. Если присмотреться к последовательности событий конца 930-

²⁰ См.: Мошин В. А. Хельгу Хазарского документа // *Slavia*, XV, Praha, 1938. С. 191.

²¹ См.: Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л., 1924.

²² Тмуторокань (Таматарха) уже в X в. не подчинялась ни Византии, ни Хазарии. На возможности существования здесь в первой половине этого столетия независимого русского княжества настаивает, например, А. Л. Якобсон (*Якобсон А. А. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры*. Л., 1964).

²³ См.: Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 326.

х гг., о которых повествует Кембриджский аноним, то можно заметить следующее. Появившись в Тавриде как бы из ниоткуда, Х-л-го захватывает хазарский город С-м-к-рию (в восточном Крыму) и с добычей возвращается к себе – в «никуда». В ответ хазарский полководец Песах разоряет крымские поселения русов. Далее говорится: «И пошел он оттуда [из восточного Крыма] на Х-л-го» – то есть, как надо понимать, покинув Тавриду, Песах вторгся непосредственно во владения Х-л-го, которые, следуя духу текста, надо искать где-то вне Крыма. Если бы «царь Руси» был тмутороканским князем, то последовательность ударов Песаха, нанесенных из района Северо-Восточного Приазовья, очевидно, была бы иная – сначала по Тмуторокани, а затем по городам таврических русов, ибо их обратная очередность в этом случае выглядела бы необъяснимой стратегической нелепостью. Кроме того, в случае ограничения зоны военных действий одними таврическими областями автор Кембриджского документа, надо полагать, сумел бы точнее определить местонахождение родовых владений Х-л-го.

В итоге могущественный, но неудачливый Х-л-го/Олег Кембриджского документа должен быть признан правителем восточноевропейской державы «светлых князей», фигурирующей в договоре с греками 911 г., и одним из главных возмутителей спокойствия на Черном море в конце 930-х гг. Я не вижу никаких препятствий для того, чтобы отождествить его с «царем русов», сидевшим в начале 920-х гг. в «высоком замке» Куйябы/Киева, в окружении 40 наложниц и нескольких сотен дружинников.

Олег II Моравский

Известия Кембриджского документа и арабских писателей полностью подтверждаются сведениями моравских летописей, согласно которым после смерти вещего Олега²⁴ княжение в Русской земле унаследовал его преемник, моравский князь Олег II (назовем его так).

Свидетельство моравских летописей имеет особую значимость, поскольку сердцевина державы вещего Олега находилась именно в Великой Моравии и «русской» Галиции. К сожалению, оригинальные древнеморавские источники, рассказывающие о событиях на Руси после смерти Олега, до наших дней не сохранились. Но отголоски древнеморавской традиции слышны в трудах многих чехо-моравских и польских авторов XVI–XVIII вв. Наиболее подробно ее излагают чешский писатель XVII в. Томаш Пешина и польские историки Ян Стржедовский и Христиан Фризе (XVIII в.), которые пользовались летописными записями XV–XVII вв., восходившими, в свою очередь, к раннесредневековым моравским и русским хроникам²⁵. Т. Пешина, в частности, ссылается на утерянное к настоящему времени историческое сочинение 1620-х гг. Яна Амоса Коменского, который использовал материал «древней русской летописи»²⁶. По этим известиям, вешему Олегу наследовал его сын, носивший то же имя – Олег; впоследствии он принял христианство и был наречен в крещении Александром²⁷. Около 936 или 939 г. Олег II был изгнан Игорем из Киева и бежал в Моравию.

²⁴ Кончина вещего князя в моравской традиции приурочена к 913 г. (см.: *Фризе Хр. Ф.* История польской церкви. Т. I. Варшава, 1895. С. 41).

²⁵ См.: *Королев А. С.* История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X века. М., 2000. С. 166–167; *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна: становление христианства на Руси. М., 1988. С. 153–154; *Флоровский А. В.* Русское летописание и Я. А. Коменский // Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. М., 1974. С. 312–314; *Фризе Хр. Ф.* История польской церкви. С. 33–45.

²⁶ *Флоровский А. В.* Русское летописание и Я. А. Коменский. С. 312.

²⁷ В XVI–XVII вв. происхождением от Олега/Александра гордились представители влиятельного моравского рода Жеротинов, заказывавшие специальные генеалогические изыскания для обоснования этого родства, скорее всего вымышленного, так как впоследствии Жеротины претендовали на происхождение от Владимира Святого. Фальшивая генеалогия, разумеется, не опровергает факта существования князя Олега Моравского (см.: *Королев А. С.* История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X века. С. 168).

Итак, западнославянская традиция прямо называет наследника вещего Олега и соперника Игоря в борьбе за киевский стол – Олега II. Это известие прекрасно вписывается в ход наших рассуждений, и отвергать его нет оснований, ибо Игорь не мог унаследовать от вещего Олега княжение в Русской земле в силу изложенных выше возрастных ограничений его биографии и чуждости роду «светлых русских князей» Моравии и Галиции²⁸.

Важно и то, что обозначенная в моравских летописях дата изгнания Олега II из Киева – 936 или 939 г. – позволяет ему предпринять поход в Крым еще в качестве «царя Руси», в согласии с показаниями Кембриджского анонима. Вместе с тем сведения моравских летописцев удовлетворительно разрешают проблему участия X-л-го в походе 941 г. на Константинополь в Кембриджском документе: становится ясно, какой именно Олег «заместил» в Кембриджской рукописи Игоря и почему это стало возможным.

Словом, все говорит за то, что «царь Руси» X-л-го и Олег II Моравский, «по происхождению русский князь»²⁹, – это одно и то же лицо: правитель восточноевропейской Руси во второй половине 910-х – конце 930-х гг.

Теперь, когда подлинный наследник Олега Вещего восстановлен в своих правах, мы можем вернуться к Игорю и обстоятельствам утверждения в Киеве великокняжеской династии Игоревичей.

²⁸ Правда, моравское предание утверждает, что Олег II будто бы приходился Игорю двоюродным братом. Таким образом, вещий Олег и Игорь связываются родственными узами – как дядя и племянник. Но эти сведения нельзя считать достоверными и самостоятельными, поскольку они явно восходят к новгородскому кругу преданий XV–XVII вв. о призвании Рюрика. Новгородская Иоакимовская летопись, которая вообще входит во многие подробности семейной жизни первых «Рюриковичей», сообщает, в частности, что вещий Олег приходился Игорю дядей по его матери Ефанде – «дочери князя урманского» и одной из жен Рюрика. Не исключено, что в древнерусском летописании произошло слияние Олега Вещего и его наследника Олега II в одного персонажа (например, Новгородская I летопись младшего извода продлевает жизнь вещего Олега до 922 г., а примыкающая к новгородской летописной традиции Устюжская летопись сообщает о его смерти под 927 г.), и на самом деле долгий период «послушания» Игоря вещему князю просто отражает факт зависимости Киева от державы «светлых князей».

²⁹ Фризе Хр. Ф. История польской церкви. С. 33.

Глава 2. Великокняжеский род русской земли

Русская земля после смерти вещего Олега

Смерть вещего Олега возвестила скорый и неминуемый распад созданной им Руси – державы «светлых князей». Непрочность этого государственного образования была обусловлена прежде всего неопределенностью властных полномочий «его светлости», «великого князя русского», который в договоре 911 г. выступает живым олицетворением единства интересов «светлых князей», но не более того. По сути, это – «атаман», «первый среди равных», формальный глава еще неясно обозначенной иерархической структуры, в которой «горизонтальные» связи преобладают над «вертикальными», дружинная демократия – над отношениями вассалитета. Поэтому сообщение древнеморавских летописей о том, что Олег II наследовал вещему Олегу по праву сыновнего родства, скорее всего, не соответствует истине. Неизвестно, были ли вообще у вещего Олега сыновья. Договор 911 г. либо фиксирует бездетность Олега за четыре года до смерти, либо не рассматривает детей «его светлости» в качестве возможных его наследников и правопреемников – трудно сказать, какое предположение вернее.

Непросто ответить и на другой вопрос: почему, не позднее 920/921 г., Олег II обосновался в Киеве, как это явствует из сообщения Ибн Фадлана о сидящем в Куйабе «царе русов». По этому поводу также можно высказать одни догадки. Киев мог приглянуться Олегу II как наиболее удобный пункт для сбора дани с восточнославянских племен. Быть может, перенос резиденции «светлого князя» из карпатского «Джарваба»³⁰ в «высокий замок» Киева был вынужденным шагом, ввиду непрекращающихся набегов венгров в первой четверти X в. на карпатские области распавшейся Великой Моравии. Не исключено, наконец, что Олег II, будучи одним из «светлых князей», мог быть назначен киевским посадником еще при жизни вещего Олега.

Как бы то ни было, но моравский этнокультурный элемент сильно ощутим в археологии Киева этого времени. Исследователи выделяют в особую группу украшения IX–X вв. из Среднего Поднепровья, орнаментированные растительными и фигурными мотивами, вроде серебряных оковок турьих рогов из Черной могилы в Чернигове и оковки рукояти меча из дружинной могилы близ Золотых ворот в Киеве, отмечая, что «такую технику и орнаментальные мотивы можно прослеживать и на некоторых поясных бляхах и наконечниках из Микульчиц, Бржецлава-Поганска, Старого Места, Желенок, и особенно на типичных великоморавских украшениях – гомбиках, находки которых сосредоточиваются в области трех крупных южноморавских центров и далее в Средней Чехии и Юго-Западной Словакии»³¹. Ряд общих элементов объединяет ювелирные изделия Моравии с украшениями из других древнерусских земель, – это видно на примере нитранских и волынских серег, моравских и гнездовских лунниц, моравских и русских эмалей и т. д. Еще более знаменательны параллели в погребальной обрядности. Множество дружинных могил Киева и Чернигова по характеру и деталям захоронений полностью идентичны соответствующим археологическим памятникам на территории Великой Моравии. Особую значимость имеют прямые аналогии в погребениях знати, свидетельствующие об этнокультурном родстве правящей элиты Киева и карпатских русинов³².

³⁰ См. показание Ибн Русте: «Местопребывание его [«свиет-малика», то есть «светлого князя»] находится в середине страны славян... Город, в котором он живет, называется Джарваб...»

³¹ Достал Б. Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 84–85.

³² См.: Ширинский С. С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 204.

Неподалеку от Чернигова, на правом берегу Десны, даже возник целый моравский город – Моравийск/Моравск. Другое моравское поселение в Русской земле – Моравица/Муравица – находилось западнее Киева, неподалеку от Луческа/Луцка, при впадении речки Иквы в Стырь.

Пересев на киевский стол, Олег II тем не менее унаследовал после смерти вещего Олега титул верховного правителя русов – «великого и светлого князя русского» («царя Руси», «архонта Росии»), под чьей рукой находились прочие вожди русов, в том числе и киевский князь. Указание на это содержится в словах Льва Диакона о том, что Игорь, напавший на Византию, «презрел клятвенный договор» 911 г., срок действия которого в 941 г., как видно, еще не истек. Таким образом, «светлокняжеская» титулатура главы Руси из договора 911 г. была действительна и в 941 г. Правда, к Игорю она не имела отношения. В договоре 944 г. Игорь – великий князь, без «светлости». То есть византийцы еще в 941 г. считали Игоря обязанным соблюдать договор 911 г. и, следовательно, знали его как сына одного из князей «под Олгом сущим», от имени которых послы вещего князя клялись хранить «любовь непревратну» с Византией.

Но со смертью вещего князя действительная власть Олега II в Русской/Киевской земле становилась все более эфемерной, а возглавляемая им держава «светлых князей» неуклонно превращалась в политический призрак, государственную фикцию. И эти политические изменения раньше всех и наиболее остро почувствовали в Киеве.

Князь Игорь и его родичи

Княжеский род Русской/Киевской земли нельзя было причислить к старинным владетельным родам. Ко времени рождения Игоря, то есть в начале 920-х гг., ему, как и всей Русской/Киевской земле, по-видимому, едва насчитывалось полсотни лет.

Смерть вещего князя способствовала оживлению в Киеве сепаратистских настроений. Очевидно, с приходом к власти Олега II и началось стремительное возвышение одной из ветвей владетельного «русского рода» города Киева, главой которого стал малолетний Игорь. К этому располагал сам принцип отношений центра и окраин в державе «светлых князей», устроенной, по всей видимости, по образцу Великой Моравии, которая «не пошла далее установления экзархических (административно-территориальных) даней и определенной зависимости местных князей, причем в захваченных землях размещались моравские гарнизоны, назначались князья-наместники, а с местного населения взималась дань. До полной узурпации земельной собственности, до насаждения собственно моравских порядков в захваченных землях дело не дошло...»³³.

Отношения «светлого князя» с киевской аристократией были, по-видимому, сложными. Хотя Олег II, кажется, не посягал открыто на права Игоря, однако мотив соперничества в их взаимоотношениях постоянно присутствовал. По моравским известиям, вступивший на престол Игорь опасался, чтобы народ не избрал Олега II киевским князем «во имя великих заслуг» его подлинного или мнимого отца – вещего Олега³⁴.

К тому времени великокняжеский «русский род» – совокупный владелец Русской/Киевской земли – был уже довольно многочисленным и разветвленным кланом. Как явствует из договора 944 г. с греками, помимо Игоревой семьи (жены Ольги и сына Святослава), к родичам киевского князя принадлежали: два Игоревых племянника («нетия») – Игорь и Акун (последний, вероятно, был двоюродным племянником великого князя, поскольку в тексте договора его имя стоит не рядом с первым племянником, а намного ниже), а также некие Володислав,

³³ Гавлик Л. Государство и держава мораван: (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы) // Великая Моравия: Ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 103.

³⁴ См.: Фризе Хр. Ф. История польской церкви. С. 41.

Предслав³⁵, Турд/Турдуви, Фаст, Сфирька/Сфирн, Тудко/Тудок, Евлиск/Влиск, Воик, Аминод/Аминд, Берн, Гунар(ь), Алдан, Клек, Етон, Гуд(ы), Туад, Ут, Сфандра, жена Улебова, и, видимо, сам Улеб³⁶.

Их принадлежность к одному с Игорем княжескому роду (хотя не исключено, что кто-то мог принадлежать и к Ольгиной родне), по разным степеням и линиям, мужским и женским, подкрепляется следующими соображениями. Во-первых, все они выступают субъектами договора с «русской» стороны, тогда как, например, известный по летописи воевода Игоря Свенгельд там даже не упомянут. Следовательно, их участие в заключении договора было обусловлено не служебными, а родственными отношениями с Игорем³⁷. На то же обстоятельство вполне определенно указывает присутствие в перечне этих лиц Игоревых племянников, причем если первый из них – тезка князя – назван сразу после княгини Ольги, то Акун «затерялся» среди прочих имен – ясное свидетельство того, что некоторые из этих людей превосходили его старшинством в роду.

Во-вторых, интересующие нас лица, подобно Игорю и членам его семьи, представлены в договоре своими собственными послами, что делает их в известной степени равноправными – по отношению к княжеской семье – участниками соглашения.

И наконец, в-третьих, следует обратить внимание на то, в каких словах Константин Багрянородный описывает княжеское полюдье в Русской земле времен князя Игоря: «Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их [росов] архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия...» («Об управлении империей»). Здесь весьма примечательно множественное число, употребленное по отношению к правителям Руси – «архонты», между тем как в начале этой главы своего сочинения Константин называет верховным «архонтом Росии» одного человека – Игоря. Не приходится сомневаться, что «архонты», отправлявшиеся каждую осень в полюдье вместе с князем Игорем, – это те же самые люди, чьи имена сохранил договор 944 г. Важно, что, в отличие от «светлых князей» в 911 г., которые сидели в своих «градах», «архонты Росии», по свидетельству Константина, обитали в Киеве, вместе с Игорем.

В наиболее исправных летописных текстах договора эти люди названы боярами («великий князь Игорь и его бояре...»; «великий князь русский и бояре его...»). Правда, в ряде древнерусских памятников наблюдается терминологическая путаница, когда одни и те же лица называются то боярами, то князьями попеременно. Это объясняется множественным значением термина *князь* у славян. Одно из них, древнейшее, имело отношение к знатности, родovitости. Филологам известны верхнелужицкое *khez* – «господин» и словацкий архаизм, сохранившийся лишь в женском роде: *kňahyna*, «княгиня» – «вельможная, благородная»³⁸. В этом архаическом значении («благородный вельможа», «старейшина») князь в X в. действительно иногда являлся синонимом боярина. Другое, более позднее, значение термина «князь» было

³⁵ Или, возможно, Предслава (женское имя; в Повести временных лет упоминается Предслава, дочь Владимира I). Неясность чтения происходит оттого, что члены княжеского рода представлены в договоре послами, из-за чего их имена даются не в именительном, а в родительном падеже: «мы от рода русского послы: великого князя Игоря, именем Ивор... Вуефаст – Святославль, сын Игорев... Каницар – Предславин» и т. д. Поскольку мужские имена с окончанием «слав» пишутся в родительном падеже Святославль, Володиславль, то и мужское имя Предслав вроде бы должно тогда приобрести форму «Предславль» («Каницар [посол] Предславль»). Но с другой стороны, имена женщин в договоре обязательно снабжены сопроводительным замечанием об их социальном статусе: «Искусеви [посол] Ольги княгини», «Шихберн [посол] Сфандры, жены Улебовой». Последнее обстоятельство все-таки склоняет меня к тому, что «Предславин» следует читать в мужском роде, так как на летописное правописание вообще полагаться нельзя.

³⁶ По мнению СМ. Соловьева, Улеб, не представленный послом лично, к этому времени уже умер (см.: Соловьев СМ. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1. М., 1993. С. 299. Примеч. 193). Однако этому предположению противоречит наименование Сфандры женой, а не вдовой Улеба. Непонятно также, к чему упоминать в международном договоре умершего человека.

³⁷ Сильный аргумент СМ. Соловьева (см.: Соловьев СМ. Сочинения. История России с древнейших времен. С. 299. Примеч. 193).

³⁸ Ратковиц П. Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия и ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 90.

связано с верховной властью – «повелитель народа, государства». Не позже середины IX в. оно возобладало над первым, превратив родоплеменной термин «князь» в титул, который за границами славянского мира переводили как «правитель», «суверен», «независимый государь» – «реке» (rex), «дукс» (dux), «архонт», «малик» и т. п.

Вместе с тем родственная близость к князю у славян еще не обеспечивала права на княжеский титул. Член княжеского рода становился князем (политической фигурой) только после того, как садился княжить в «стольном» городе. Город и княжеский титул не существовали отдельно один от другого. Нельзя было быть князем «вообще», но лишь – князем киевским, князем черниговским, князем смоленским и т. д. Родственники Игоря не могли носить княжеский титул уже в силу того, что сидели вместе с ним в Киеве «на едином хлебе» (показание Константина Багрянородного об «архонтах Росии»), как в старину было в обычае и у других славянских народов, например в семьях чешских и польских князей³⁹. Потому-то, несмотря на близость вышеназванных лиц к княжеской семье, в именном перечне договора 944 г. все они представлены нетитулованными особами (в отличие от «светлых князей» из договора 911 г., сидевших по «русским градам»). Зато владеющий киевским столом Игорь носит титул великого князя, а Ольга, владелица Вышгорода, – княгини.

Из именного перечня русов в договоре 944 г. видно, что именование по отчеству тогда еще не вошло в обычай даже между славяно-русской знатью. Поэтому имя настоящего, не летописного отца Игоря, по-видимому, навсегда останется неизвестным. Можно лишь заметить, что сама эта неизвестность говорит о том, что он вряд ли обладал какими-либо выдающимися достоинствами.

Почти нечего сказать и о внешности князя Игоря. У нас есть только упоминание Львом Диаконом коренастости, мохнатых бровей, курносого носа и светло-синих глаз Святослава Игоревича, дающее возможность предположить, что эти фенотипические признаки были унаследованы им от его родителя.

Результаты филологического анализа имен Игоря и его родственников могут служить превосходным пособием к курсу этнической истории русов⁴⁰. Вряд ли, однако, эти имена отражали действительную этническую принадлежность членов княжеского рода. Их разнообразие, скорее всего, объясняется заимствованием. Достаточно характерно, что «при этой разноэтничности в расположении имен правящей верхушки в договоре отсутствует последовательность по этническому принципу», то есть поименованные лица не образуют в тексте договора компактных этнических групп, что свидетельствует о потере «русской» знатью связей с теми местами, откуда происходят их имена⁴¹. Родиной всех этих людей было Среднее Поднепровье – Русская земля.

³⁹ См.: Пресняков А. С. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 29.

⁴⁰ Имена Игорьь, Аминод, Туад, Акун, Алдан, Турд, Тудко – кельтского происхождения; по всей вероятности, они были усвоены рутенами/ругами в период их проживания в Галлии и к середине X в. сделались уже собственно «русскими» именами, наряду с именем Гуды, известным у галльских рутенов и иллирийских венетов. Володислав, Предслав, Воик, Ут – имена общеславянские, напоминающие о последующей славянизации античных рутенов/ругов и превращении их в русов. Имя Удо носил один из ободритских князей; в вендском Поморье также находился город Утин. Фасты в VIII–X вв. во множестве встречались среди фризов, Улебы – среди эстонской «чуди». О браках членов «русского рода» с представительницами знатных аланских родов Киевской земли свидетельствует имя Улебовой жены Сфандры – от иран. Сфанд – название последнего месяца года (см.: Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X века. М., 2000. С. 33; Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. № 3; Кузьмин А. Г. Древнерусские имена и их параллели // «Откуда есть пошла Русская земля». Кн. 1. М., 1986. С. 643–654).

⁴¹ См.: Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X века. С. 33, 34.

Печать Святослава

В то же время родовая символика киевских князей «от рода русского» свидетельствует о том, что они не забыли своих «вендских» корней. Речь идет о нанесенных на монеты, княжеские печати, кирпичи, глиняную посуду, украшения, мечи и другие предметы знаках в виде двузубца или трезубца, получивших в литературе название «знаки Рюриковичей». Их символическое значение истолковывали по-разному, видя в них якорь, шлем, двулезвийную секиру (франциску), светильник, хоругвь, церковный портал, ворона – священную птицу Одина, часть византийского скипетра, руническую или византийскую монограмму, славянский, скандинавский, византийский или восточный геометрический орнамент, церковно-христианскую эмблему – лигатуру альфы и омеги.

Ключ к разгадке был найден в 1876 г. С. А. Геденовым, который предложил считать «двузубцы» и «трезубцы» символическим изображением летящего вниз сокола – племенного тотема славян-ободритов вендского Поморья, именовавшихся также «рарогами», «рарожанами», то есть «соколиным народом»⁴². Эта блестящая гипотеза нашла полное подтверждение в материалах археологии. Оказалось, что на целой группе древнерусских монет, так называемых «малых сребрениках Ярослава», датируемых первой четвертью XI в., пресловутый «трезубец» образован ясно различимой фигурой падающего вниз сокола со сложенными крыльями⁴³. Таким образом, стала ясна «эволюционная схема последовательно трансформируемого изображения „вендского сокола“ в некую геральдическую эмблему, способную украсить воинский щит, оружие, монеты и прочие личные и государственные регалии»⁴⁴. Возможно, в этом же ключе следует рассматривать образную символику Слова о полку Игореве с его неоднократным уподоблением русских князей соколам.

Княжеская родословная

Этой развитой родовой идеологии, ясно осознаваемой этнической самоидентификации («мы от рода русского»), непременно должен был сопутствовать культ общего предка⁴⁵. Исторические разыскания в этом направлении затруднены тем, что древнейшая родословная рус-

⁴² Геденов С. А. Варяги и Русь. Ч. 2. СПб., 1876. С. XXXIV; Рапов О. М. «Знаки Рюриковичей» и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3. С. 66–69.

⁴³ См.: Сотникова М. П., Спаский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 199–201.

⁴⁴ Никитин А. А. Основания русской истории. С. 308.

⁴⁵ См.: Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X века. С. 52–53.

ских князей подверглась в дальнейшем значительным искажениям и переосмыслению в духе «варяжской» легенды. Между тем в IX–X вв. Рюрик не числился в родоначальниках князей Русской земли⁴⁶. Это имя не было в ходу среди потомков Игоря до второй половины XI в., и ни один письменный памятник домонгольской эпохи, в том числе и летопись, не называет русских князей собирательным именем Рюриковичи. «Варяжская» легенда была принята князьями «от рода русского», так сказать, умом, а не сердцем.

Наряду с «варяжской» генеалогической лестницей, в Древней Руси существовала и другая, альтернативная, согласно которой династические корни русских князей уходили гораздо глубже второй половины IX в. Эта изначальная, «дорюриковская» традиция, по всей видимости устная, проглянула в письменных памятниках киевского периода лишь однажды – в выражениях «внуки Всеслави» и «жизнь Всеслави» (то есть «достояние Всеслава»), употребленных автором Слова о полку Игореве по отношению соответственно ко всем русским князьям и к Русской земле: «Ярославе и вси внуци Всеслави!.. Вы бо своими крамолами начнете наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию». Это и есть единственная собирательная генеалогическая формула, оставшаяся от того времени.

Буквальное прочтение выражений «Ярославе и вси внуци Всеслави» и «жизнь Всеслави» ничего не проясняет, а, наоборот, порождает новые, неразрешимые вопросы⁴⁷. Поэтому вместо «Ярославе» несомненно следует читать «Ярослави», как в свое время и предлагал Д. С. Лихачев, то есть: «Ярославичи и все внуки Всеславовы». Эта поправка устраняет все несуразности и противоречия в чтении и делает данное выражение совершенно внятным.

⁴⁶ Для исторической критики этот вывод очевиден. Если В. О. Ключевский еще колебался, относя призвание князей-варягов к «темным преданиям» нашей летописи (см.: *Ключевский В. О. Сочинения*: В 9 т. М., 1989. Т. I. С. 145), то Д. И. Иловайский уже начисто отвергал в летописном сказании о призвании Рюрика какую-либо историческую основу (см.: *Иловайский Д. И. История России. Часть I. М., 1876. С. 19–25*). Историки XX в. выражались еще более определенно. Е. Ф. Шмурло называл летописную родословную «сказкой-легендой» (*Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462). Изд. 2-е, испр. Т. 1. СПб., 1999. С. 73*). С. П. Толстов и М. Н. Тихомиров были уверены в том, «что перед нами, бесспорно, сознательно фальсифицированная родословная» (*Толстов С. П. Древнейшая история СССР в освещении Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 122*). Б. А. Рыбакову летописная генеалогия представлялась «примитивно искусственной» (*Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1987. С. 65*). Для А. Л. Никитина Рюрик – «всего только легенда и, подобно поручику Киж, на Руси „фигуры не имеет“» (*Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 164*).

⁴⁷ Предположение о том, что автор Слова в данном фрагменте имеет в виду каких-то конкретных личностей своего времени, сталкивается с рядом трудностей. Так, невозможно персонифицировать «Ярослава». Черниговский князь Ярослав Всеволодович – кандидатура неподходящая, потому что в «наведении поганых» на Русскую землю он стал повинен, согласно летописи, только в 1195 и 1196 гг., то есть спустя десять – одиннадцать лет после похода Игоря Святославича. К тому же он упоминается в «златом слове» Святослава Всеволодовича («А уже не вижду власти [силы] сильного и богатаго и многового брата моего Ярослава с черниговскими былями [боярами]...»), а не в числе князей, к которым обращен авторский призыв отомстить «за раны Игоревы». Среди последних, впрочем, есть галицкий князь Ярослав Владимирович (Осмомысл), однако летопись не знает за ним никаких черных дел, в том числе предательских сношений с половцами. Крайне спорно выглядит и отождествление «внуцей Всеславовых» с внуками полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Замечено, в частности, что слова «внук», «внуки» встречаются в Слове шесть раз, «и только единожды („Игоря... внука Ольгова“) безусловно в значении „сын сына“, из чего следует обоснованный вывод, что «эти речения («внуци Всеслави» и «жизнь Всеслави»). – С. Ц.) к Всеславу Брячиславичу не имеют отношения» (*Энциклопедия Слова о полку Игореве. Т. 1. А – В. СПб., 1995. С. 216, 261*). «Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию» – странный упрек. Негодующее обращение автора Слова совершенно не вписывается в историческую ситуацию конца XII в., когда семейная вражда Ярославичей и Всеславичей уже перестала быть живым нервом княжих усобиц вследствие разделения Ярославичей на два враждующих клана – Мономахичей и Ольговичей, которые, собственно, и «наводили поганых» на Русскую землю при жизни автора Слова. Но почин в использовании половецкой силы для улаживания княжеских распрей принадлежал, конечно, не Мономахичам, не Ольговичам, и уж тем более не внукам Всеслава Полоцкого, которым летопись вообще отводит весьма скромное место в братоубийственных войнах того времени. Фраза «вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую» по отношению к князьям второй половины XII в. выглядит очевидным анахронизмом. Еще более удивительным представляется посмертный патронаж Всеслава Полоцкого над Русской землей, которая оказывается вдруг «Всеславовым достоянием». Между тем этот князь сидел на киевском столе очень недолго, всего около года (с 1068 по 1069 г.), и, строго говоря, отнюдь не на легитимных основаниях, будучи, по сути, ставленником мятежных киевлян. За исключением этого кратковременного эпизода, его реальная власть над Русской землей никогда не выходила за пределы Полоцкого княжества.

Очевидно, что выражение «Ярославлі и вси внуци Всеславлі» есть не что иное, как универсальная и общепризнанная генеалогическая формула, одинаково пригодная для современности и для прошлого (автор произносит ее сейчас, обращаясь к живущим русским князьям, но хочет говорить об исторических грехах их дедов, живших во второй половине XI в. и повинных в разорении Русской земли: «Вы бо своими крамолами начясте наводите поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславлі»⁴⁸). Причем важно отметить, что «Ярославичи» в этой формуле оказываются лишь частью «всех внуков Всеславлевых». Стало быть, еще какие-то «внуки» не названы по их родовому имени. Впрочем, их инкогнито раскрывается без труда. Во второй половине XI в. полоцкие князья, потомки князя Изяслава Владимировича (ум. в 1001 г.), сына Владимира I и Рогнеды, открыто противопоставили себя Ярославичам – потомству Ярослава I Владимировича. Произошло разветвление великокняжеского рода. Полоцкие князья обособились и причислили себя к отдельной его ветви – «Рогволожим внукам», Рогволожичам, которые непрестанно враждовали с Ярославичами (по причине расправы Владимира I Святославича над Рогнедой и ее отцом, Рогволодом), поднимая, по словам летописца, «меч противу Ярославлим внуком». Таким образом, выражение «Ярославлі и вси внуци Всеславлі» подразумевает все мужское потомство Владимира I Святославича – Ярославичей и Рогволожичей.

Теперь мы видим, что восклицание «Ярославлі и вси внуци Всеславлі!» может означать, собственно, только одно: «Яроелавичи и все князи русские!»

Кто же такой этот Всеслав, еще в конце XII в. числившийся в прародителях русских князей?

Отметим важное обстоятельство: деятельность Всеслава приурочена в Слове к временам Трояна: «На седьмом вѣце [веке] Трояни врьже [бросил] Всеслав жребий о девицу себе любу»⁴⁹. Место «Трояновых веков» в историческом времени сам автор Слова определил так: «Были вѣчи [века, времена] Трояни, минула лета Ярославлі; были плъци [полки, то есть походы, войны] Олговы, Ольга Святославлича [внук Ярослава I, ум. в 1115 г.]».

По этой периодизации «века Трояни» предшествуют времени «дедов», таким образом совпадая с языческой эпохой⁵⁰. В древнерусских источниках, в том числе современных Слову о полку Игореве, имя Трояна носит древнеславянское божество. Так, древнерусская вставка в апокриф «Хождение Богородицы по мукам», славянские рукописи которого восходят к XII в., обличает язычников в том, что они «богами прозваша: солнце и месяц, землю и воду, звери и

⁴⁸ Летописец как будто иллюстрирует этот тезис историческими сводками. 1065 год. «В се же лето Всеслав [Полоцкий] рать почал... по сем же быша усобица многа, и нашествие поганых на землю Русскую...» 1067 год. Новая распря: «Заратися Всеслав, сын Брячиславль, Полотцкий, и зая Новгород до Неревского конца и пожже... Ярославиче же трие, Изяслав, Святослав, Всеволод, совокупивше многы вой, идоша на Всеслава Полотцкого... И поидоша к Немизи [река Немига, приток Свислочи], и Всеслав поиде противу, и совокупишася обои на Немизи... и одоле Изяслав, и Святослав и Всеволод, а Всеслав бежа». Бедственные последствия кровопролитной сечи на реке Немиге – первой крупной междоусобной резни после смерти Ярослава I – отмечены и в Слове, как раз в следующей за нашим фрагментом песне о Всеславе Полоцком, который «скочи волком до Немиги с Дудуток»: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чеи харалужные [цепями булатными], на тоце [на току] живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе [берега] не бологом бяхуть посеяни [не хлебом были засеяны], посеяни костьми русских сынов». Как результат: «В лето 6576 [1068 г.]. Приидоша иноплеменицы на Русскую землю, половци мнози, Изяслав же, и Святослав и Всеволод изыдоша противу им на Алто [река Альта]... грех ради наших пусти Бог на ны [нас] половец поганых, и побегоша Русьстии князи», а половцы «разсыпалися по земли». Год 1069: «Изяслав... прогна Всеслава из Полотьска». На следующее лето «воеваша половеци у Ростовца, у Неятина» и т. д. Наконец дошло и до целенаправленного «наведения поганых на землю Русскую» самими же князьями. По летописи, первыми (в 1078 г.) пригласили половец под русские стяги черниговский князь Олег Святославич и смоленский князь Борис Вячеславич – оба «Ярославлі», внуки Ярослава I.

⁴⁹ «Люба девица» Всеслава – это Киев, как явствует из последующей фразы: «Тъй клюками подпръся, окони и скочи к граду Киеву и дочесе стружим злата стола киевского...», то есть: полагаясь на свои «клюки» («хитрость», вешую мудрость), вскочил на коня и помчался к Киеву, коснулся копьём золотого стола киевского.

⁵⁰ Пленяясь соблазнительным созвучием, большинство комментаторов совершают ошибку, усматривая в «веках Трояних» намек на войны римского императора Траяна в Дакии или даже смутное воспоминание о Троянской войне. Нет нужды доказывать, что ни то ни другое событие не сделало эпохи в славянской истории и потому не могло остаться в древнерусском фольклоре.

гады... от камня ту устроя Трояна, Хорса, Велеса, Перуна». В другом древнерусском антиязыческом сочинении (из Толстовского собрания XVI в.) язычники «мняще боги многи: Перуна и Хорса, Дья и Трояна». А. Н. Афанасьев высказал мнение, что имя Троян образовалось от слова «три», «трое»⁵¹. Древнерусского Трояна можно поставить в связь с языческим божеством, известным у поморских славян и у чехов под именем Триглава (Триглавом называлась и священная гора в земле хорутан). Наиболее почитаемый идол Триглава стоял в поморском Щетине, в «трехрогом» (трехбашенном) замке. Этому божеству приписывалось владычество над тремя царствами: небом, землей и подземным миром, символически соответствующими трем корням мирового древа. В сербском фольклоре есть предание о короле Трояне, сопоставимое с русской сказкой о Снегурке (несчастный влюбленный король также гибнет от солнечных лучей). Сродство Трояна с Триглавом между прочим видно из того, что последнему подносили в качестве жертвы козлиные головы, а короля Трояна сербская сказка наделяет козлиными ушами и тремя головами. В других вариантах этого сказочного сюжета место короля Трояна заступает змей – у славян, как известно, существо обыкновенно о трех головах. Вероятнее всего, прячущийся от солнца Троян был божеством подземного мира, Ночи. Однако возможно и другое истолкование его имени и положения в божественном пантеоне славян. Украинский язык сохранил прилагательное *троянский* в значении «отец троих сыновей» (тройняшек)⁵². Тогда Троян может считаться родителем какой-то божественной триады братьев.

Из буквального прочтения текста Слова получается, что князь Всеслав Полоцкий решил добывать себе киевский стол в языческие «времена Трояни», еще до того, как минули «лета Ярославли» и «пльцы Ольговы», другими словами – задолго до своего рождения. Налицо слияние двух Всеславов – исторического и легендарного⁵³, или, говоря точнее, есть все основания полагать, что при описании личности и деятельности полоцкого князя Всеслава Брячиславича автор Слова использовал художественную образность и стиливые приемы, взятые из некогда существовавшего эпоса о его стародавнем тезке.

Благодаря работам А. Н. Веселовского⁵⁴ и С. Н. Азбелева⁵⁵, этот «старый» Всеслав находится сегодня в поле исторического зрения. Древнейшая поколенная роспись русских князей «до Рюрика» содержится в Иоакимовской летописи. Рюрику здесь отведена разве что третьестепенная роль. Эта родословная открывается именем князя Владимира, но при упоминании правления его отца, от которого, собственно, и ведется счет княжеским «коленам». До Гостомысла, предшественника Рюрика, сменилось 14 поколений князей. Поскольку в древнейших генеалогиях правлению одного «колена» отводилось в среднем 25 лет, то княжение Владимировича приходится на начало V столетия – эпоху Великого переселения народов. Восходящая также к V в. германская сага о Тидреке Бернском (то есть Веронском) живописует ожесточенную борьбу готского короля Теодориха Амала (Тидрека Бернского) с русским «конунгом Вальдемаром», отец которого назван Всеславом (*др. – герм.* Гертнит). И германский, и русский источники говорят об одном и том же лице – «русском» правителе славянского Поморья (среди подвластных Гертниту/Всеславу народов сага называет «вильтинов», то есть вельтов/лютичей). Сличение этих известий с употребительной еще в конце XII в. генеалогической

⁵¹ См.: Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Т. 2. М., 2002. С. 497, 607–609.

⁵² См.: Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь; Москва, 2001. С. 62.

⁵³ А. Л. Никитин видел во Всеславе персонаж «совершенно неизвестного нам общеславянского эпоса», «мифического общеславянского героя или прародителя („Все-слав“), который в сознании поэта конца XII в. «слился с образом современного ему полоцкого князя Всеслава Брячиславича, благодаря чему последний и оказался окутан покровом тайны и волшебства» (Никитин А. А. Основания русской истории. С. 454; *Он же.* Слово о полку Игореве: Тексты. События. Люди. Исследования и статьи. М., 1998. С. 185).

⁵⁴ См.: Веселовский А. Н. Былины о Волхе Всеславиче и поэмы об Ортните // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27.

⁵⁵ См.: Азбелев С. Н. Предания о древнейших князьях Руси по записям XI–XX вв. // Славянская традиционная культура и современный мир. М, 1997. Вып. 1.

формулой «внуки Всеслави» показывает, что князья Русской земли вели свое происхождение от одного из княжеских родов балтийских русов, прародителем которого считался полубог-полулегендарный Всеслав, отец жившего в V в. князя Владимира.

В итоге перед нами открывается подлинная древнерусская родословная традиция, согласно которой «внуком Всеславлевым» или Всеславичем назывался любой представитель великокняжеской семьи⁵⁶. Вместе с тем и Русская земля (как, возможно, и любая из европейских Русий) еще в конце XII в. слыла «жизнью Всеславлевой», то есть княжеским достоянием Всеслава – прадеда-покровителя всех князей «от рода русского».

⁵⁶ Впоследствии отчество Всеславич закрепилось в былинах и некоторых летописях за одним Владимиром I (см.: *Муссеева Г. Н.* Кто они – «внуки Всеслави» в Слове о полку Игореве // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 158) – вероятно, по его исключительной роли в русской истории и по исторической ассоциации с достославным Владимиром Всеславичем V столетия.

Глава 3. Выход к Черному морю

Опекун

Игорь родился, как было сказано, вскоре после 920 г., всего вероятнее, где-то между 922 и 924 гг. Начало его самостоятельной деятельности, таким образом, следует отнести к рубежу 30–40-х гг. X в., что подтверждается и сведениями летописи.

Само собой разумеется, что юный князь долгое время, вплоть до своего совершеннолетия, был лишь номинальным носителем власти. Правил за него кто-то другой. Поиск этого другого тотчас же выводит нас на фигуру воеводы Свенгельда⁵⁷. Иных претендентов в источниках просто нет. Игореву отца следует исключить, поскольку предание помнит малолетнего Игоря уже сиротой. В то же время Свенгельд, при всей отрывочности летописных сведений о нем, сразу предстает перед нами весьма значительным лицом. Он «примучивает» окрестные племена, ему предоставляется исключительное право сбора дани в некоторых землях, дружина его «изоделась оружием и порты», что вызывает черную зависть у дружинников Игоря. В конце 930-х гг. его высокое положение обнаруживается уже реально существующим и сохраняется неизменно до самой смерти Игоря, несмотря на симптомы недовольства со стороны молодого князя, выразившиеся в попытке поживиться на той же ниве, которую уже несколько лет единолично возделывал Свенгельд, – на сборе «древлянской» дани. Логично думать, что могущество Свенгельда не возникло вдруг вместе с обретением Игорем дееспособности, а, напротив, уходило корнями в предыдущий период, когда воевода был всемогущим регентом при малолетнем князе. В конце концов Свенгельд оказался тем ненавидимым при княжеском дворе человеком, который исподволь и, возможно, не желая того подготовил будущий блестящий взлет киевской династии.

Война с угличами

В 930-х гг. Киев предпринял ряд внешнеполитических шагов, свидетельствующих о его возросшей самостоятельности внутри державы «светлых князей».

Первой заботой княжеского рода Русской земли было установление (или, может быть, восстановление) контроля над нижним течением Днепра – ключевым участком этой водной артерии, обеспечивавшим жизненно важные связи Русской земли с миром дунайской торговли и византийской цивилизации. Неизбежным следствием этого стремления стало столкновение киевских русов с угличами.

Название этого славянского племени происходит от слова *угол*. Этноним «угличи/уличи/улучи»⁵⁸ чаще всего выводили от северочерноморского «Угла» или от находящегося поблизости «Улучья», в связи с чем историки обыкновенно помещали угличей в степную зону днепровского левобережья, где их и можно увидеть на большинстве исторических карт расселения восточнославянских племен. По это не совсем верно. В IX–X вв. местом обитания угличей был Нижний Днепр, где имелся свой «Угол». В сообщении Ипатьевской летописи под 1183 г., в частности, говорится: «...и стояша на месте нарицаемом Ерель, его же Русь зовет Угол».

⁵⁷ Другие варианты этого имени: Свенельд, Свенальд, Свенд(т)ельд. Правильнее, по-видимому, все же Свенгельд, так как эта транскрипция корректируется сообщением Льва Диакона о находившемся в войске Святослава Игоревича знатном русе по имени Сфенкел.

⁵⁸ Другие летописные формы этого этнонима – «уличи» и «улучи», по мнению О. Н. Трубочева, закономерно отражают тюркскую передачу древнерусского слова «угличи» (Трубочев О. Н. О племенном названии уличи // Вопросы славянского языкознания. М., 1961. С. 186, 187).

Чем бы ни считать летописную Ерель/Угол – рекой Орелью, левым притоком Днепра, как это делал В. Н. Татищев⁵⁹, или особой местностью, получившей название от нижнеднепровского изгиба – «улучья»⁶⁰, – в любом случае несомненна связь этого названия с низовьями Днепра. В свою очередь Новгородская I и Воскресенская летописи прямо утверждают: «И беша сядяще угличи по Днепру вниз...» Археологи обнаружили в Нижнем Поднепровье «бесспорно славянские памятники VI–IX вв., склавенского типа»⁶¹.

Расцвет племенного объединения угличей пришелся на IX в. Относящееся к этому времени сочинение анонимного Баварского географа описывает его в следующих словах: «Угличи (Unlici) – народ многочисленный: у него 318 городов» (читай: родовых и племенных городищ).

Тем больше способна сказать нам о возросшей мощи Киевского княжества решительная победа, одержанная над угличами в ранний период княжения Игоря. «Игорь же сядяше княжа в Киеве, мир имея ко всем странам, а с улучи... имеяше рать, – сообщает летопись. – И бе у него воевода именем Свентельд, и примуче уличе, и возложи на них дань, и выдасть Свентельду». Как видим, предводителем похода против угличей назван Свентельд, действующий от имени и по поручению Игоря – тогда еще малолетнего отрока. Очевидно, к тому времени Свентельд уже пользовался в Киеве безраздельным влиянием, которое позволило ему прибрать к рукам угличскую дань.

Сопrotивление угличей не было, однако же, сломлено полностью. «И не вдадьяшеться един град, именем Пересечен; и седе около его три лета и едва взя», – сообщает летописец. Пересечен – один из 318 угличских «градов» – был, вероятно, главным племенным центром угличей⁶².

Победоносное наступление киевских русов вызвало массовое бегство угличей в Буго-Днестровское междуречье. Новгородская I летопись и Воскресенский летописец заключают рассказ о взятии Пересечена замечанием: «...и по сем [угличи] приидоша межю Буг и Днестр, и седоша тамо». Действительно, археологами отмечено значительное увеличение в X–XI вв. количества славянских селищ в Северном Причерноморье⁶³. Переселение происходило, по всей видимости, в течение нескольких десятилетий. Возможно, что последним доводом, побудившим остатки угличей оставить Нижнее Поднепровье, было возросшее давление на них со стороны печенегов.

На новом месте угличи оказались соседями другого славянского племени – тиверцев⁶⁴, осевших вдоль течения Днестра и далее на юг, вплоть до низовьев Дуная.

Происхождение тиверцев загадочно, «попытки определить специфические черты древностей тиверцев второй половины I-го тысячелетия н. э. не дали положительных результатов.

⁵⁹ Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т.: История Российская. Репринт с изд. 1963, 1964 гг. М., 1994. Т. II–III. С. 216.

⁶⁰ Соболевский А. И. Русские местные названия и язык скифов и сарматов // Русский филологический вестник. LXIV. 1910. С. 186.

⁶¹ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 132.

⁶² Стронники мнения об исконном проживании угличей в Нижнем Поднепровье склонны помещать древний Пересечен на месте современной деревни Пересечина (в 26 км от города Оргеев в Молдавии). Но археологи не нашли здесь следов существования древнерусского города. В то же время город Пересечен, расположенный где-то в низовьях Днепра, упоминается летописью в связи с событиями 1154 г., а также в перечне древнерусских городов конца XIV в. «А се имена всем градам руским, далним и ближним» (Рыбаков Б. А. Уличи (историко-географические заметки) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. XXXV. 1950. С. 5–7; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 131).

⁶³ См.: Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 132.

⁶⁴ Принято считать, что племенное название тиверцев происходит от скифо-сарматского названия Днестра – Тирас, Тира (*ираи. tigas* – «быстрый») и буквально означает «днестровцы» (Фасмер М. Этимологический словарь. В 4-х тт. Изд. 2-е. М., 1986. Т. IV. С. 55; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 129). Однако вряд ли это так, ибо при славянской интерпретации иранского «Тирас» можно было бы ожидать скорее формы «тирасцы». Память о тиверцах сохранилась в названии древнерусского поселения XIV в. – Тивров (южнее современной Винницы), которое, однако же, находилось не на Днестре/Тирасе, а на Южном Буге.

Поэтому поднеэтровские древности относятся исследователями к тиверцам по территориальным, а не по этнографическим признакам»⁶⁵. Поскольку славянские древности Поднеэтровья VI–VII вв. обнаруживают сходство с археологическими материалами из антской области расселения славян, тиверцев предположительно причисляют к потомкам антской ветви славянства, заселившей Поднеэтровье в эпоху Великого переселения народов или даже раньше, в «готскую» эпоху (II–IV вв.). Баварский географ насчитал в земле тиверцев 148 «городов»⁶⁶.

Повесть временных лет больше не упоминает угличей и тиверцев в связи с событиями второй половины X столетия, делая, впрочем, оговорку, что в Великой Скифии, то есть в Северном Причерноморье, «суть грады их и до сего дня». Славянские поселения в этом регионе в течение XI–XII вв. постепенно пустели, подвергаясь частым нападениям кочевников, и были окончательно сметены монгольским вихрем. Трагические превратности исторической судьбы угличей и тиверцев помешали им оформиться в самостоятельные этнографические единицы восточного славянства.

Древляне в Среднем Поднеэтровье и «древляне» в Крыму

В той же летописной новелле под 914 г., которая повествует о покорении угличей, мимоходом сообщается о походе руси на «древлян» (из нижеследующего будет ясно, что кавычки здесь необходимы). Причем «древлянская» война вроде бы предшествовала войне с угличами. На самом деле последовательность событий была иной. Это станет очевидным сразу же, как только мы уясним, кто такие летописные «древляне», сыгравшие столь значительную роль в судьбе князя Игоря, его жены и всей Русской земли.

На первый взгляд ломать голову тут совершенно не над чем. Повесть временных лет вполне определенно говорит, что древляне/деревляне были славянским племенем, осевшим на правом берегу Днепра, по соседству с киевскими русами («полянами»). Свое имя они получили потому, что «седоша в лесах». Древляне известны не только древнерусским источникам. Константин Багрянородный передает этот этноним в формах «вервиане» и «дервленины», а Баварский географ знает их как «лесных людей» (*forsderen liudi*). Общеславянский корень этого племенного названия подтверждается наличием в вендском Поморье племени древан (их племенная территория находилась рядом с современным Люнебургом, в бассейне реки Иетцель, бывшей славянской Иесны). Славянское население Древанской земли окончательно исчезло только в XVIII в. Но германизированное название этой области – *Dravehn* – сохранилось у немцев до сих пор⁶⁷.

Все это бесспорно. Но дальше возникают затруднения. Начать с того, что племенная территория восточнославянских древлян («Дерева», «Деревская земля») очерчена в летописи весьма приблизительно. Настораживающе звучит заявление авторитетного археолога о том, что «попытки восстановить территорию расселения древлян на основе летописных свидетельств предпринимались неоднократно, но ни одну из них нельзя признать удачной»⁶⁸. Славянские древности в бассейнах Припяти и Ужа довольно многочисленны, но крайне разнородны и с трудом поддаются этнографической классификации⁶⁹.

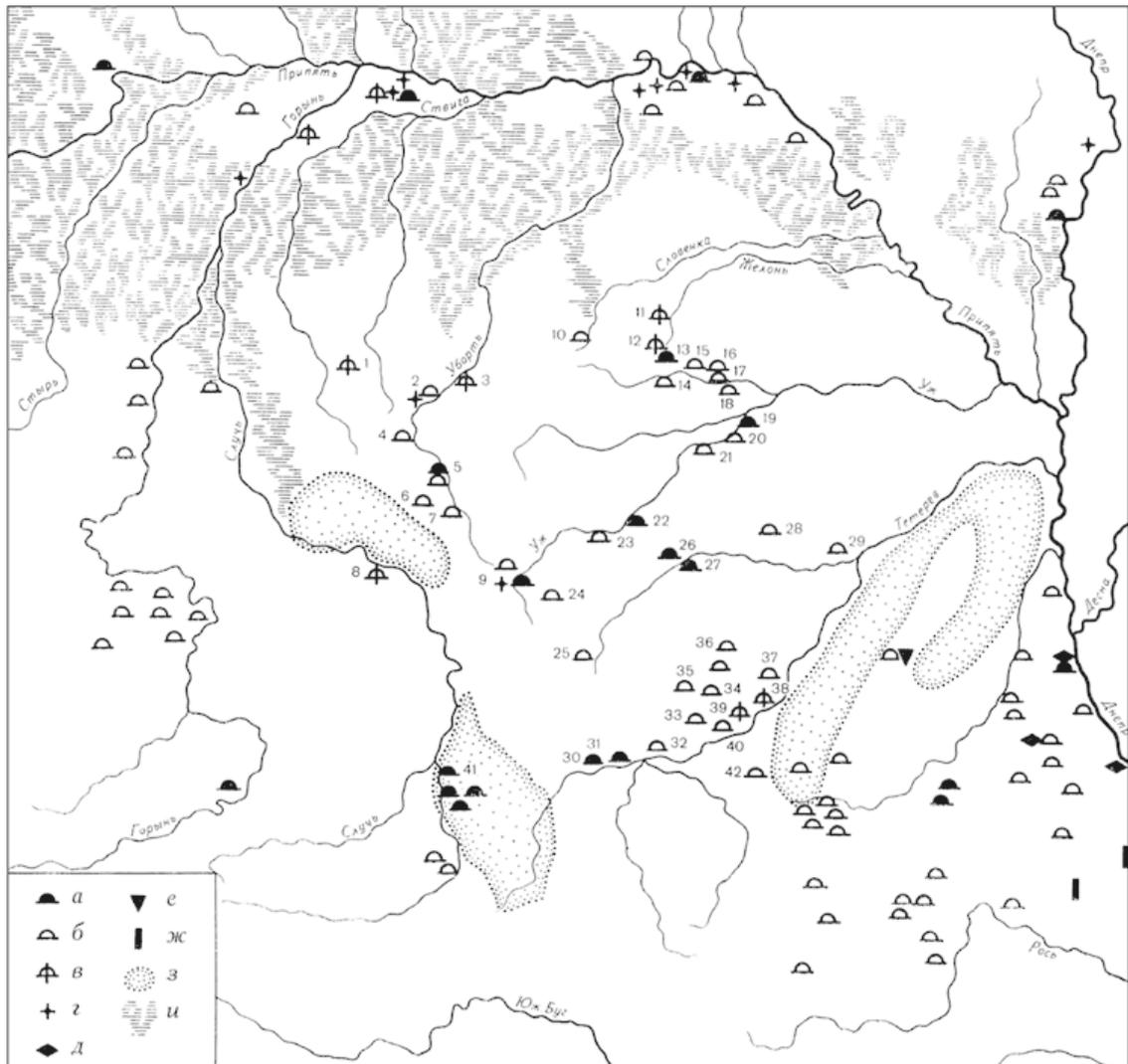
⁶⁵ Федоров Г. Б. Тиверцы // Вестник древней истории. № 2. 1952. С. 250–259.

⁶⁶ Археологи обнаружили в Поднеэтровье около 40 славянских городищ (*Князьский И. О.* Славяне, волохи и кочевники Поднеэтровско-Карпатских земель (конец IX – сер. XIII в.). Коломна, 1997. С. 40).

⁶⁷ См.: *Державин Н. С.* Славяне в древности. М., 1946. С. 29.

⁶⁸ *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 102.

⁶⁹ Для ее создания наиболее надежным материалом в настоящее время признаны курганные находки. Характерной особенностью древлянских курганов современная археология считает скопления золы и угольков в насыпях, всегда находящиеся выше захоронений. Обыкновенно это тонкая зольно-угольная прослойка в центре кургана (см.: *Русанова И. П.* Территория древлян по археологическим данным // Советская археология. 1960. № 1. С. 63–69). Однако и с этим определяющим признаком не все обстоит благополучно. Курганы со «специфически древлянскими особенностями» на правом берегу Днепра, к

Курганы Древлянской земли: а – курганы с трупосожжениями; б – курганы с труположениями; в – курганы со «специфическими» древлянскими особенностями; г – курганы дреговичей; д – курганы полян; е – курганы с семилучными височными кольцами; ж – курганы кочевников; з – лесные массивы; и – болота

При дальнейшем рассмотрении «древлянского вопроса» несуразности и загадки нарастают как снежный ком. В разительном противоречии с археологической картиной древлян-

западу от Киева, довольно редки и буквально тонут в массе окружающих их курганных погребений, не имеющих указанных отличий. Получается, что древляне не были основным населением «Деревьской земли»? «Курганный» методика вынуждена дать утвердительный ответ, который, разумеется, немедленно заводит историка в тупик. К тому же все исследованные «специфически древлянские» курганы насыпаны в XI–XII вв. Отсюда с необходимостью должен следовать вывод, что в предыдущий период (IX–X вв.) древлянский этнос выработал и закрепил присущие только ему этнографические особенности. Но обобщение археологического материала с территории Припятско-Ужского бассейна приводит к совершенно противоположному заключению: «История древлянского племени кратковременна... Ранняя потеря племенной самостоятельности привела к стиранию этнографических черт. Современная диалектология и этнография уже совсем не обнаруживает каких-либо особенностей, оставшихся от племенного периода древлян» (Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 106). Действительно, этноним «древляне» исчезает со страниц Повести временных лет сразу же после завершения карательной экспедиции Ольги, и только их племенная территория изредка упоминается в дальнейшем (последний раз в статье под 1136 г.: «Паки же Олговичи с половци переидоша Днепр, декабря в 29, и почаша воевати от Трьполя около Красна и Васильева и до Белогорода, оли же до Киева, и по Желани и до Вышьгорода, и до Дерев, и чрес Лыбедь стреляхуся»). Но ведь тогда и погребальная обрядность древлян, вместе с другими племенными особенностями, под влиянием более сильных соседей должна была постепенно утрачивать этнографическую индивидуальность, а не приобрести ее.

ского племенного ареала находятся сведения письменных источников. Летопись сообщает о весьма развитой племенной организации у древлян, которые имели «свое княжение», князей, племенную знать («лучших мужей»), дружину, укрепленные города. Древлянские послы нахваляют Ольге своих правителей, заботящихся об экономическом процветании их страны: «... наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревьскую землю» – и это не пустое бахвальство, так как выясняется, что после неоднократных поборов и беспощадного разорения несчастной Деревьской земли киевским войском на «древлян» все еще можно наложить «дань тяжку», что и не преминула сделать Ольга. Военная мощь древлян подчеркнута в летописи упоминанием неких «обид», которые в прошлом претерпели от них «поляне», а также неоднократными попытками порвать узы даннической зависимости от киевских князей. Между тем на археологической карте днепровского правобережья Древлянская земля предстает бедной и малонаселенной областью, безусловно не способной соперничать с соседями в экономическом отношении и тем более находиться с ними в многолетнем военном противостоянии. Древлянские «грады» (Оран, Иваньково, Малино, Городск) имеют площадь около двух тысяч квадратных метров – меньше футбольного поля⁷⁰. А возле Искоростеня Ольга «стоя... лето, и не можаци взяти града»!

К сожалению, наша историография до недавнего времени проходила мимо всех этих странностей. Но что всего поразительнее, так это многовековое невнимание историков к одному сохранившемуся в источниках этнографическому признаку, характеризующему летописных «древлян». Я имею в виду выбранный ими способ казни князя Игоря, который, как следует из сообщения Льва Диакона, «был взят... в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое» (стоит отметить, что Повесть временных лет умалчивает об этих подробностях). Знать сообщение Льва Диакона, цитировать его и вместе с тем считать «древлян», убивших Игоря, славянским племенем – все это есть не что иное, как бесподобный историографический конфуз, ибо указанный способ казни настолько же присущ древнеславянскому уголовному праву, как, например, обычай сдирать скальпы или распинать на кресте. И однако же эта нелепость прочно осела в исторической литературе. Лишь сравнительно недавно исследователи наконец обратили внимание на то, что «казнь Игоря совпадает с подобными обычаями у тюркских народов – огузов⁷¹ и болгар»⁷², а по сообщению германского хрониста XII в. Саксона Грамматика – к этому способу казни питал особое пристрастие Редон, «рутенский» пират (*Ruthenorum pirata*), разбойничавший на Балтике⁷³. От себя добавлю, что по приказу Александра Македонского подобным же образом был разорван на части Бесс, убийца Дария III, как о том повествует Плутарх. В греческой мифологии известен разбойник Синид по прозвищу Питиокампт (Сгибатель сосен), который ловил путников, привязывал их к вершинам согнутых деревьев и, отпустив деревья, разрывал людей пополам. Герой Тезей расправился со злодеем его же способом. Словом, ни один источник не соотносит обычай расчленения людей при помощи деревьев со славянами и тем более – с восточными славянами.

К блестящим находкам последнего времени относится также открытие еще одной «Древлянской земли» – «Дереви»⁷⁴, находящейся, согласно вводной части Повести временных лет (перечисляющей «Афетовы страны» – земли, которые «прияше» Иафет, один из сыновей Ноя),

⁷⁰ См.: Демин А. С. О некоторых особенностях архаического литературного творчества (постановка вопроса на материале Повести временных лет) // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 65.

⁷¹ См. сообщение Ибн Фадлана о гузах (огузах): «Они не знают блуда, но если относительно кого-либо они узнают какое-либо дело, то они разрезают его на две половины, а именно: они соединяют вместе промежуток веток двух деревьев, потом привязывают его к веткам и пускают оба дерева, и находящийся при выпрямлении их [деревьев] разрывается».

⁷² Петру хин В. Я. Из древнейшей истории русского права. Игорь Старый – князь-«волк» // *Philologia slavica*. М., 1993. С. 127.

⁷³ См.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 194.

⁷⁴ См.: Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 326.

отнюдь не в Среднем Поднепровье, а в Северном Причерноморье – между «Воспории» (Боспором) и приазовскими областями («Меоти» и «Сарматы»), где она, таким образом, совпадает с «Климатами» горного Крыма⁷⁵.

В связи с этим перестает выглядеть опиской или очевидной нелепостью указание Льва Диакона на то, что Игорь погиб, отправившись «в поход на германцев». Вместе с тем наконец замечено, что летописные «древляне» не только обитают в двух разных и значительно удаленных друг от друга географических районах, но также имеют два племенных центра: один – город Овруч, лежащий на реке Уже (летописная статья под 997 г.), другой – город Искоростень/Коростень, точное местоположение которого не указано (летописные статьи под 945 и 946 гг.)⁷⁶.

Теперь обобщим имеющиеся у нас факты.

Восточнославянское племя древлян, возможно родственное вендским древанам, в конце VIII – начале IX в. осело на правом берегу Среднего Поднепровья, где очень скоро попало в данническую зависимость от русов. Ко времени составления Повести временных лет (вторая половина XI – начало XII в.) эти древляне были уже малочисленной, бедной и культурно отсталой народностью, почти совершенно утратившей свою этнографическую индивидуальность и растворившейся среди многочисленных переселенцев с днепровского левобережья.

Однако в процессе создания Повести временных лет или скорее при позднейшем ее редактировании история древлянского племени, краткая и ничем не примечательная, оказалась насыщена событиями, относящимися к истории других «древлян», не имеющих с древлянами днепровскими ничего общего, кроме своего русифицированного племенного названия. Иными словами, произошла довольно обыкновенная для раннесредневековой литературы этнографическая путаница, которую, пожалуй, можно было бы назвать забавной, не укоренись она самым серьезным и основательным образом в современной историографии. К счастью, восстановить истину в данном случае не так уж трудно.

Нестора или какого-то другого древнерусского книжника, редактировавшего Повесть, сбита с толку еще одна «Деревская земля» – «Дерви», обнаруженная им в Северном Причерноморье. Источником, откуда она в свое время перекочевала в русскую летопись, была византийская хроника IX в. Георгия Амартола, а именно то ее место, где перечислены «Афетовы страны»⁷⁷. В славянском переводе хроники Амартола, предшествовавшем Повести временных лет, соответствующий термин был передан как «Дерви»⁷⁸. В Повести временных лет амартоловский перечень стран читается так: «...Воспории, Меоти, Дерви, Сарматы, Тавриани, Скуфия...» Причерноморская область под названием Дерви/Дерви легко опознается как место обитания потомков везеготов, или готов-тервингов (от др. – герм, *tre* – «дерево») – «жителей леса», «лесных людей», по-славянски – «древлян». Последние сомнения на этот счет исчезнут, если сопоставить древнерусское известие о смерти князя Игоря в «Деревех» с сообщением Льва Диакона о его последнем походе «на германцев». Единственным германским этносом Северного Причерноморья были готы.

Уяснив, что летописный термин «древляне/древляне» покрывает два разных народа, этнически несходных меж собою, мы пойдем причину разногласия в этнографических и исторических сведениях о них. С одной стороны, «древляне живяху звериньским образом,

⁷⁵ Термин «Климаты», встречающийся в средневековой византийской литературе, связан с позднеантичной географической традицией, согласно которой поверхность земли делилась на несколько (обыкновенно семь или девять) «климатических» поясов. У Константина Багрянородного «Климаты» – это область горного Крыма между Херсоном и Боспором: «От Херсона до Боспора расположены крепости Климатов, а расстояние – 300 миль» (впрочем, в другом месте он пишет и о «деяти «Климатах» Хазарии», прилегающих к Алании). Крымские «Климаты» (вероятно, не все, но значительная их часть) входили в Херсонскую фему (военно-административный округ), и Константин неоднократно выражает озабоченность их безопасностью.

⁷⁶ См.: *Никитин А. Л.* Основания русской истории. С. 112.

⁷⁷ Там же. С. 113–114.

⁷⁸ См.: *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Пг., 1920. С. 59.

живуще скотьски: убиваху друг друга, ядаху вся нечисто, и брака у них не бываше, но умы-киваху у воды девица»; с другой – «наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю», наличие грозных крепостей, вроде Искоростеня, взять которые возможно лишь при помощи военной хитрости, дипломатические посольства к русам с целью заключения династических браков. Очевидно, что в первом случае речь идет о восточнославянских лесовиках днепровского правобережья, во втором – о крымских готах, чьи процветающие колонии существовали в Тавриде до XVI в. Таврические и киевские русы в IX–X вв. должны были, конечно, не раз сталкиваться с ними – на поле экономической конкуренции и на поле брани.

Дружинные сказания о войнах с крымскими готами бытовали в Киеве долгое время и были известны русским книжникам XII в. Но время взяло свое – двойственное значение термина «древляне» было прочно забыто, благодаря чему история покорения черноморских «древлян»/тервингов была перенесена на историю древлян днепровских, более близких и знакомых «кыянам» Несторовой эпохи.

Поход на крымских готов

Итак, ожесточенные войны середины X в. киевских русов с «древлянами» происходили не на правом берегу Днепра, а на крымском побережье.

Повесть временных лет помещает рассказ о войнах Игоря с угличами и «древлянами» под 912–915 гг. Новгородская I летопись относит падение осажденного Пересечена к 940 г.: «В се лето яшася уличи по дань Игорю, и Пересечен взят бысть». Обе датировки сомнительны. Первая выносит события за хронологические рамки реальной жизни Игоря; вторая не оставляет ему времени совершить поход на «древлян»/готов (напасть на крымских готов киевские русы могли, конечно, только после того, как закончили покорение угличей в низовьях Днепра), так как в следующем году он уже участвует в набеге на Константинополь. Скорее всего, угличская и «древлянская» войны состоялись в 30-х гг. X в., причем последняя закончилась не позднее 938 г., ибо, по сообщению Кембриджского документа, в следующем году в Крыму началась новая военная операция русов, не связанная с именами Игоря и Свенгельда.

О войне с «древлянами»/готами летопись сообщает весьма кратко: «Иде Игорь на древляны, и победи их, и возложи на них дань...» Впрочем, далее выясняется, что истинным победителем «древлян» был все тот же Свенгельд, который и в этом случае присвоил себе «дань деревьскую»⁷⁹. Алчность воеводы вызвала возмущение при киевском дворе: «...и реша дружина Игореве: „се дал еси единому мужу много“».

Территорию Северного Причерноморья, на которую к началу 940-х гг. распространилась власть киевского князя, договор Игоря с греками 944 г. определяет как «устье Днепра» и области, пограничные с «Корсунской страной», иначе говоря, какую-то часть «Климатов» горного Крыма – «Дерева» с обитавшими там готами⁸⁰ (готские колонии, в частности, существовали в устье Днепра, на полуострове Тендра⁸¹).

⁷⁹ «Имаша по черне куне», – говорит Повесть временных лет. Согласно А. Л. Никитину, «термин „черная куна“... означает не „шкурку куницы“, как по обычаю полагают, а именно „двойную дань“...». Вне летописного текста термин этот встречается только в новгородских документах XV в., где он «является синонимом понятия „черный бор“, обозначая экстремальный, целевой побор с тяглогового населения определенной территории» (Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 200, 233).

⁸⁰ По мнению А. Л. Никитина, «на протяжении X в. „русь“ контролировала в Причерноморье по меньшей мере два ключевых региона – Поднепровье с обитающими там славянскими племенами, и два района Крымского полуострова – Тарханкут, обращенный к устью Днепра идеальной гаванью нынешнего пос. Черноморский (быв. Акмечеть), получивший в последующее время название „Варанголимен“, и берега Боспора Киммерийского, по которому проходил торговый путь в Хазарию, Булгар, Итиль и далее, к берегам Каспия и на мусульманский Восток» (Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 326).

⁸¹ См.: Васильевский В. Г. Житие Стефана Сурожского // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1889. Июнь. С. 448–450.

Печенеги

Утвердившись в Нижнем Поднепровье и Северном Причерноморье, киевские русы приобрели новых соседей – печенегов. По-тюркски имя этого народа звучало как *беченек*; византийцы называли их *пачинаки/пачинакиты*, арабы – *баджнак*. Высказывалось предположение, что этноним беченек/печенеги происходит от имени исторического или легендарного вождя Бече⁸². Однако вероятнее другое. Печенежская орда состояла из разных племен и этносов. По свидетельству Константина Багрянородного, самоназвание трех ее «колен» или «округов» (малых орд) было *катар* – «как более мужественных и благородных, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар». Кангарами, по всей видимости, были тюркские выходцы из распавшегося политического союза, носившего их имя⁸³. В своем движении на запад они влияли в угорские племенные группировки Южного Приуралья, которые собственно и назывались печенегами⁸⁴, заняв среди них привилегированное положение.

До начала IX в. печенеги обитали между Нижней Волгой и Аральским морем. Затем они прорвались сквозь хазарский кордон в Среднее Подонье. Но здесь они пробыли недолго. Хазары натравили на них гузов (узов), чей удар расколол печенежскую орду. Анонимный персидский автор географического трактата «Границы мира» (Худуд аль-Алам, конец X в.) говорит уже о двух ветвях печенегов: тюркской и хазарской. Последняя кочевала в степном междуречье Нижнего Дона и Нижней Волги. Константин Багрянородный писал о ней: «Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие признаки для того, чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих: одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показывать, что они отрезаны от своих родичей и соплеменников». Хазарская ветвь печенегов быстро захирела и утратила этническую самостоятельность.

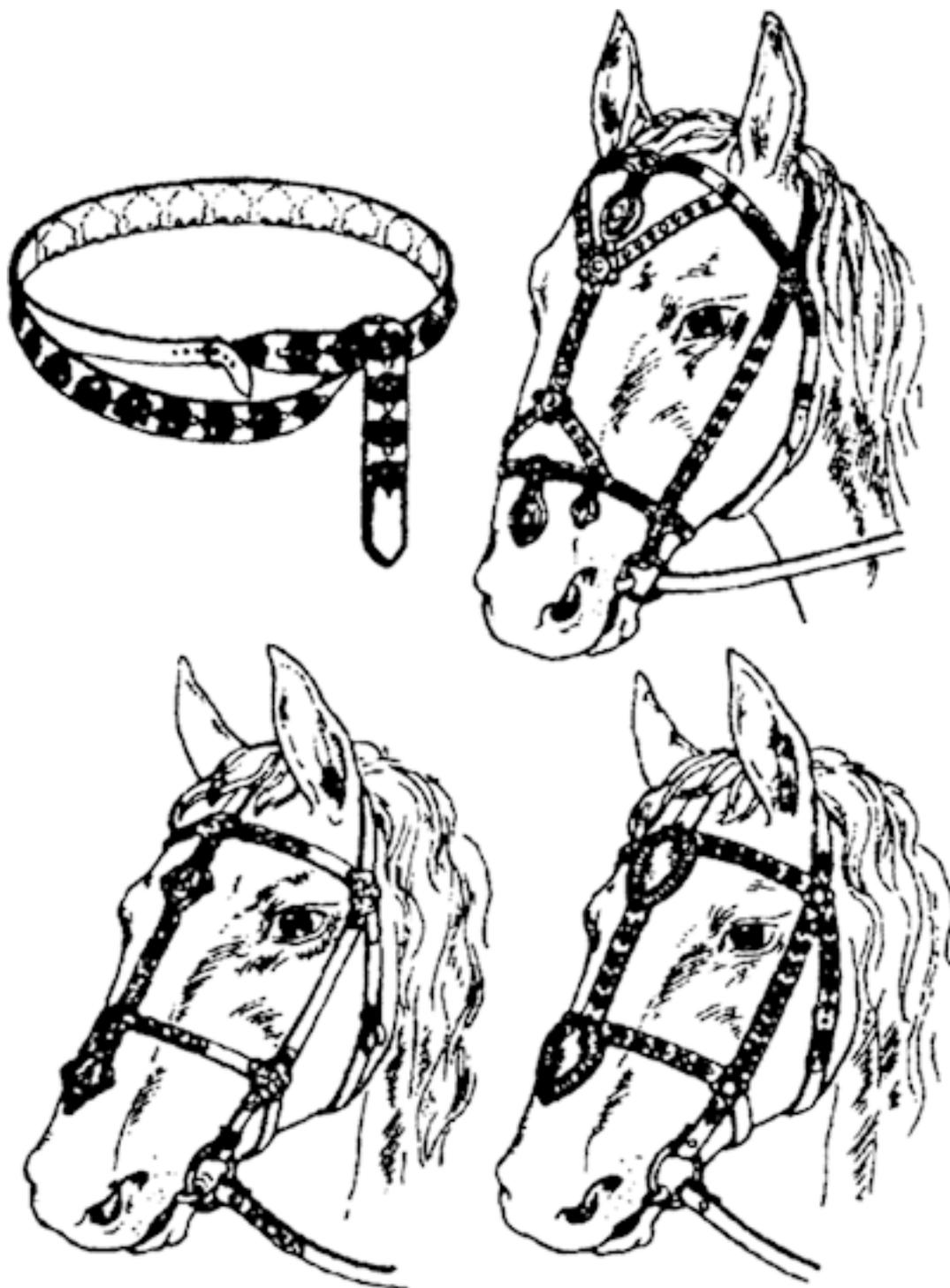
Другая, тюркская ветвь (названная так по причине присутствия среди них тюрков-кангар) откатилась на запад. Бежав от гузов, говорит Константин Багрянородный, печенеги «стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения». Археологи прослеживают их путь по дотла спаленным поселениям Среднего и Нижнего Подонья (салтовской культуры), развалинам замков и городов на Таманском полуострове. С конца 80-х – начала 90-х гг. IX в. византийские и западноевропейские источники отмечают присутствие печенегов в Нижнем Поднепровье и Северном Причерноморье.

Причерноморская орда состояла из 40 родов, которые объединялись в 8 колен. Колена возглавляли ханы, роды – старейшины, «архонты более низкого разряда», по определению Константина Багрянородного, или «лучшие мужи в родах», как называет их наша летопись. Ханья пользовались неограниченной властью только на войне. Византийский император отметил древний обычай престолонаследия в коленах, по которому власть над ордой наследовал не сын или брат умершего хана, а двоюродный брат покойного или один из его сыновей, «чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии».

⁸² См.: Плетнева С. А. Печенеги // Исчезнувшие народы. М., 1988. С. 35.

⁸³ В государственное объединение Кангюй/Кангар (II в. до н. э. – IV в. н. э.) входили кочевые и оседлые племена на землях Хорезма, в районе среднего и нижнего течения Сырдарьи.

⁸⁴ Ср. финноугорский гидроним «Печенга».

Пояса и уздечки из печенежских погребений. Реконструкция

Днепр делил печенежскую орду надвое. Кочевья четырех колен находились к западу от Днепра (до бассейна Прута), четырех других – к востоку (до донских степей). По подсчетам арабских писателей, путь из конца в конец печенежских земель занимал месяц конной езды. Летом, в поисках пастбищ, печенеги устремлялись в днестровские степи, к берегам Черного моря и на равнины Подунавья, а с наступлением осени возвращались в Приднепровье. Постоянных зимовищ, как и кладбищ, у печенегов не было⁸⁵.

⁸⁵ См.: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. М., 1981. С. 217, 221.

Ибн Фадлан, видевший печенегов своими глазами, описал их внешность так: «Они – темные брюнеты с совершенно бритыми бородами». Десятилетия кочевой жизни в днепровско-днестровских степях и регулярные набеги на соседей обогатили печенегов, сделали их, по свидетельству персидского географа XI в. Гардизи, владельцами больших стад лошадей и баранов, золотых и серебряных сосудов, серебряных поясов и хорошего оружия. Среди характерных печенежских изделий упоминаются между прочим трубы в виде бычьих голов, при помощи которых ханы подавали сигналы своим воинам во время боя. Часть этих предметов присутствует в печенежских могильных курганах – наборные серебряные пояса, серединные костяные накладки на тяжелые луки, прямолезвийные сабли, колчаны со стрелами, глиняные сосуды с «роскошным» орнаментом и т. д. Рядом со всадником хоронили его коня, положенного на брюхо, взнузданного и оседланного. В X в. такой погребальный обряд распространился по всей Великой степи⁸⁶.

Боеспособность печенежской орды современники оценивали весьма высоко. Венгры, помнившие резню, учиненную им печенегами в конце IX в.⁸⁷, так ответили послу Константина Багрянородного, пытавшемуся поднять их против этих степняков: «Сами мы не ввяжемся в войну с печенегами, так как не можем воевать с ними, – страна их велика, народ многочислен, дурное это отродье! Не продолжай перед нами таких речей – не по нраву нам они». Архиепископ Феофилакт Болгарский (X в.) писал, что набег печенегов – это «удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко – от быстроты бегства. Нападая, они предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать. А главное – они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная – для них несчастье, верх благополучия – когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеваются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно». Византийский историк второй половины XII – начала XIII в. Никита Хониат считал, что в сражениях с ромеями печенеги имели значительное преимущество благодаря стремительным конным атакам, меткому обстрелу из луков и устрашающему действию оглушительного крика, с которым они производили свои налеты.

⁸⁶ См.: *Плетнева С. А.* Печенеги. С. 35–36.

⁸⁷ В 890 г., когда венгерская орда отправилась в очередной набег (по-видимому, на моравских славян), печенеги обрушились на их кочевья и вырезали оставшихся дома немногочисленных мужчин и беззащитные семьи. Это заставило венгров откочевать на запад – в Паннонию.

Детали серебряной конской узды из печенежского погребения. X–XII вв.

Однако ни людские ресурсы, ни военная организация не позволяли печенегам покончить с противником одним ударом, раз и навсегда подорвать его могущество, как это удавалось, например, монголам; военное давление с их стороны выражалось в непрерывных набегах. Поэтому цивилизованные соседи печенегов довольно часто с успехом противостояли им. Так, в одном из сражений с византийцами печенеги огородились повозками, создав подобие степной крепости. Это было действенное средство против конницы, с которой преимущественно и привыкли иметь дело печенеги. Но пешие варанги-«секироносцы» (выходцы из Британии) быстро разрушили укрепление и ворвались внутрь, обеспечив ромеям победу. По сведениям Ибн Русте и Гардизи, хазары ежегодно совершали походы в страну печенегов (восточдне-

провских) и приводили оттуда множество пленных. Впрочем, для того, чтобы изгнать печенегов из Северного Причерноморья, у Хазарского каганата не хватало сил.

Византия и подавно стремилась поддерживать с печенегами мирные отношения. Печенежский козырь был очень значим в той политической игре, которую вела империя на своих северных границах. Подытоживая внешнеполитический опыт своих предшественников, Константин Багрянородный наставлял своего сына: «[Знай], что, пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки [венгры] не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят против ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю».

Между северной линией печенежских кочевий и южнорусской границей пролегла узкая нейтральная полоса в «один день пути» (30–35 км). Какое-то время она достаточно надежно обеспечивала спокойствие Русской земли. На Днепре даже завязалась довольно оживленная русско-печенежская торговля. Русские купцы покупали у степняков коров, коней и овец. Константин Багрянородный полагал, что это позволяло русам «жить легче и сытнее». Как показывают археологические исследования, собственное животноводство и в самом деле удовлетворяло лишь немногим больше половины потребности жителей Киевской земли в мясе⁸⁸.

Сообщение о первой стычке помечено в Никоновской летописи 875 г.: «Того же лета избиша множество печенег Осколд и Дир». Однако эта дата плохо согласуется с археологическими сведениями о местонахождении печенегов во второй половине IX в. Более правдоподобно выглядит сообщение Повести временных лет под 915 г.: «Приидоша печенези первое на Руськую землю, и сотворивше мир с Игорем...» В 920 г. в поход выступает уже сам Игорь: «Игорь воеваша на печенеги»; moreover, как направление похода, так и его исход остаются загадкой.

Все же есть основания полагать, что первые набеги печенегов на Русь, как правило, были удачны. Особенно страдали от них славяне, жившие в лесостепной зоне к востоку от Днепра. Археологические раскопки здешних поселений показывают, что с началом X в. начинается их запустение и значительное падение уровня жизни населения. Исчезают крупные ремесленные центры, реже встречаются украшения из драгоценных металлов, прекращается торговля с мусульманским Востоком. Константин Багрянородный пишет, что печенеги способны были воевать с венграми, болгарами и русами «и, многократно нападая на них, стали ныне [им] страшными».

Упоминание летописью имени Игоря в связи с русско-печенежскими войнами начала X в. безусловно является анахронизмом. Очевидно лишь, что киевскому княжескому роду и всем «кыянам» было очень важно замирить печенегов и заручиться их дружбой. Ведь, по словам Константина Багрянородного, «против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность – в то время когда росы удалятся от своих семей, – напав, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться».

Судя по всему, в 30-х гг. X в. печенежский натиск на Русскую землю значительно ослаб. Следующее летописное известие о печенегах под 944 г. говорит о них как о союзниках Игоря в походе на греков. О мирном соглашении (или ряде мирных соглашений) между Киевом

⁸⁸ Тогда как, например, в ряде поселений славянской Буковины конца IX – начала X в. доля костей домашних животных превышает 90 % (см.: *История крестьянства в Европе*. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 43).

и степью свидетельствует и тот факт, что печенеги не препятствовали русам обосноваться в Нижнем Поднепровье и Северном Причерноморье. Однако периоды дружбы длились недолго, заканчиваясь вместе с завершением совместного похода или тогда, когда подарки киевского князя переставали удовлетворять алчность печенежских ханов. И тогда, говорит Константин, «частенько, когда у них нет мира друг с другом, они [печенеги] грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб». Возможно, именно тогда, при Игоре, Русская земля начала опоясываться первыми «Змиевыми валами» – земляными укреплениями, затруднявшими подступы к Киеву со стороны степи.

Глава 4. Происхождение княгини Ольги

Пробелы в биографии

Прямым следствием выхода Киевской Руси к черноморскому побережью стало заключение первого известного нам династического брака киевских князей.

Княгиня Ольга (в крещении Елена) – безусловно, лицо историческое. Ее высокий статус во властной иерархии русов в качестве супруги Игоря и необыкновенное положение в русской истории как первой самостоятельной женщины-правительницы, «праматери всех князей русских», удостоверены тремя современными источниками: 1) договором с греками 944 г., в котором фигурирует посол от «Олги княгини»; 2) сочинением Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», где находится знаменитое описание двух дворцовых приемов «Эльги Росены» (буквально: Ольги Русской) в Константинополе; 3) сообщением Продолжателя хроники Регинона Прюмского о миссии немецкого епископа Адальберта к «Елене, королеве ругов».

Несмотря на это, важнейшие вехи ее биографии донныне остаются предметом неутихающих споров и кардинальных переоценок. Пересмотру подвергаются прежде всего летописная и житийная версии Ольгиной жизни, поскольку с исторической точки зрения обе они есть не что иное, как смесь полузабытых и своеобразно истолкованных преданий, нанизанных на два идейных стержня древнерусского летописания и агиографии, каковыми являются «варяжское» происхождение киевской династии и Русской земли и коренная, изначальная «чистота» русского христианства, то есть принятие его напрямую от греков.

Первое, что бросается в глаза в традиционной биографии киевской княгини, – это полная ее «несамостоятельность», в том смысле, что важнейшие возрастные параметры жизни Ольги (кроме точной даты смерти – 11 июля 969 г.) определяются в летописи исключительно через биографию Игоря. Последняя же, как мы имели возможность убедиться, – плохой путеводитель для биографа ввиду ее несомненной искусственности и неправдоподобности. Абсолютная точка отсчета возраста Ольги – дата ее рождения – в летописи отсутствует. Первые косвенные сведения о возрасте княгини приводятся под 903 г., когда, согласно летописным расчетам, она сочеталась браком с Игорем. Опираясь на эту дату, некоторые редакции Ольгиного Жития сообщают, что к тому времени ей было около двадцати лет, что маловероятно, поскольку этот возраст, по господствовавшим тогда понятиям, автоматически переводил ее в разряд «перезрелых» девиц, которые не могли рассчитывать на престижный княжеский брак. Проложное Житие Ольги отмеряет ей 75 лет жизни, а Степенная книга указывает, что, проживя в супружестве 42 года, блаженная княгиня умерла «близ осмидесяти лет». Мазуринский летописец сообщает, что некоторые ученые книжники считали ей и 88 лет.

Таким образом, летописно-житийная хронология отодвигает дату рождения Ольги в IX столетие, приурочивая ее к промежутку между 881 и 894 гг. Веры ей нет никакой, или, точнее, она требует такой слепой веры, которая позволила летописцу ничтоже сумняшеся поместить под 955 г. предание о сватовстве к Ольге византийского императора, прельщенного красотой киевской княгини. Между тем красавице должен был идти не то седьмой, не то восьмой десяток!⁸⁹ Предание это, безусловно, имеет самостоятельные, внелетописные корни, и само его

⁸⁹ Н.М. Карамзин, называя историю со сватовством баснословием, все же уверял читателей своей «Истории», что императора, верно, очаровала мудрость Ольги.

существование великолепно изобличает довольно позднее происхождение и неуклюжие приемы летописно-житийной реконструкции Ольгиной биографии⁹⁰.

Свадьба Игоря и Ольги, якобы сыгранная в 903 г., невероятна еще и потому, что отстоит почти на четыре десятка лет от появления на свет их первенца. При таком положении вещей именно время рождения Святослава приобретает решающую роль в вопросе о возрасте Ольги⁹¹. Никакой другой, более надежной мерки у нас нет. Правда, Повесть временных лет и тут не может похвастать безупречной точностью своих сведений. Фраза «в се же лето родися Святослав у Игоря» помещена под 942 г. Затем, в договоре 944 г., он представлен собственным послом как полноправный княжич. Это означает, что к этому времени над ним уже был совершен обряд постригов (острижения волос), сопровождавшийся принародным действием – опоясыванием мечом и «посажением на коня», что символизировало обретение малолетним княжичем прав наследования «отнего и деднего» достояния. Обыкновенно постриги устраивались по достижении наследником трех лет. В таком случае рождение Святослава отодвигается с 942 на 940-й – начало 941 г., а женитьбу Игоря на Ольге следует отнести соответственно к 938 – первой половине 940 г. Архангелогородская летопись⁹² сообщает, что Ольга сделалась женой Игоря в десятилетнем возрасте. В этом нет ничего невозможного, так как для женщин обычный брачный возраст (12–14 лет) мог быть значительно снижен. Например, из Повести временных лет известно о венчании пятнадцатилетнего князя Ростислава Рюриковича с восьмилетней Верхуславой Всеволодовной (1187 г.). Так что, с учетом показания архангелогородского летописца, вероятное время рождения Ольги датируется второй половиной 20-х гг. X в. Если же принять предположение, что ко времени своего замужества Ольга все-таки перешагнула тогдашний порог совершеннолетия для женщин, то ее рождение состоялось, по всей видимости, между 924 и 928 гг.⁹³

Родина Ольги – Псков или Болгария?

Появление Ольги в Киеве Повесть временных лет описывает следующим образом: возмужавший Игорь по-прежнему покорно подчинялся вещему Олегу, который «и приведе ему жену от Плескова, именем Олгу».

Согласно другой легенде, настоящее имя Ольги было Прекраса, «а Олег поименова [переименовал] ю и нарече во свое имя Ольга» (Иоакимовская летопись, в изложении Татищева).

Впрочем, источникам не известен ни один подобный случай перемены языческого имени на другое, языческое же. Зато мы знаем, что на самом деле вещей Олег и Игорь никогда не встречались, поэтому вправе предположить, что Олег занял здесь место другого, подлинного свата, о чем разговор впереди. Пока же зададимся вопросом: откуда Игорю «привели» его знаменитую супругу?

В вопросе о происхождении Ольги до настоящего времени господствует «псковская легенда», отождествляющая летописный «Плесков» с древнерусским Псковом, который и объявляется местом рождения княгини. «Народное краеведение» дало Ольге еще более точную прописку, сделав ее уроженкой «веси Выбутской» (село Выбутино/Выбуты, или Лабутино, в двенадцати верстах от Пскова вверх по реке Великой). Этим устраняется противоречие с пока-

⁹⁰ Первые упоминания об Ольге в древнерусских источниках встречаются у Иакова Мниха и митрополита Илариона – авторов второй трети XI столетия. В их весьма кратких характеристиках святой княгини еще отсутствуют многие подробности, вошедшие позднее в Повесть временных лет и Ольгины жития.

⁹¹ См.: *Никитин А. Л.* Основания русской истории. С. 202; *Рыбаков Б. А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1987. С. 113.

⁹² А.А. Шахматов полагал, что этот летописный свод содержит «более древнюю, полную и более исправленную редакцию Начального свода» (*Шахматов А.А.* О начальном Киевском летописном своде. М., 1897. С. 56).

⁹³ На 920-е гг. указывает и Б. А. Рыбаков (см.: *Рыбаков Б. А.* Мир истории. С. 13).

занием Жития, что во времена Ольгиной молодости о Пскове и помину не было: «еще граду Пскову несущу». Кроме того, в народной традиции Выбутино слыло также родиной князя Владимира I Святославича, чем «обеспечивалась как бы прямая связь двух первых русских святых – равноапостольных, бабки и внука, Ольги и Владимира»⁹⁴

⁹⁴ Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. М., 2001. С. 129.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.